ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. Воскресенье, 3 іюля 1927 года. **№ 27.**

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ ДРЕВНЕРУССКОМЪ БОГОСЛОВІИ.*)

БОГОСЛОВЫ КІЕВСКІЕ.

I.

Религія и богословіе латинянъ.

„Никая въ нихъ догма крѣпка непщуется, ни человѣческая, ни божественная, аще пи аристотельскіе силлогизмы утвердятъ сію догму" (Мак. Гр. I, 247).

Частныя особенности, характеризующія ту или другую вѣтвь Вселенской Церкви, нисколько не препятствуютъ ея духовному росту, если она пребываетъ въ неизмѣнномъ общеніи съ остальной Церковью; если же она добровольно разрываетъ узы любви, то всѣ ея особенности сдѣлаются въ ея жизни неизмѣннымъ догматическимъ началомъ. Это совершилось въ жизни знаменитой среди Церквей Церкви Римской, послѣ ея, исполненнаго гордости, отдѣленія отъ Апостольскихъ Церквей Востока. Пребывая въ общеніи съ Церквами, Церковь Римская отличалась по преимуществу строгостью дисциплины, сильнымъ значеніемъ церковной власти и преклоненіемъ предъ внѣшнимъ авторитетомъ епископскаго сана. Эти особенности оказывали иногда даже благодѣтельное вліяніе на жизнь Церкви. Извѣстно, что ереси и безконечные споры, вызванные еретиками IV и V вѣковъ, были исключительно, или почти исключительно, достояніемъ востока. Если волновался и западъ, то это происходило отъ интригъ еретичествующихъ сыновъ равноапостольнаго „цезаря", отъ переселенія туда оскверненныхъ ересью варваровъ. Христіанскіе народы запада безъ этихъ внѣшнихъ причинъ остались совершенно равнодушны къ великимъ историческимъ движеніямъ эпохи. Зато великая Западная Церковь выработала стройную дисциплину своей іерархической жизни. Въ лицѣ Амвросія Медіоланскаго, Льва и Григорія — знаменитыхъ святителей ветхаго Рима, она дала высокій образецъ церковныхъ организаторовъ, защитниковъ и выразителей церковныхъ правъ, церковной самобытности. Западъ всегда былъ чуждъ высокаго полета духа и никогда не могъ въ этомъ отношеніи сравняться съ востокомъ, не могъ даже приблизиться хоть сколько-нибудь къ нему въ отношеніи откровенныхъ созерцаній премірнаго начала и познанія основъ сущаго. Какъ бы восполняя этотъ существенный недостатокъ церковной жизни, западные монахи явились ревностными носителями дѣятельной любви въ самомъ точномъ значеніи этого слова. Востокъ освѣщался все новыми и новыми созерцаніями и чудесами. Монашескій родъ жизни пріобрѣлъ новыя, дотолѣ неслыханныя формы столпническаго и добровольнаго Христа ради юродства. Странныя сначала обѣ эти формы были признаны Церковью, ибо ихъ осѣнило особое явленіе благодати, и не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ глубокой духовности. Прекратившееся, вслѣдствіе монофизитской ереси, вселенское подвижничество Ѳиваиды и Египта нашло себѣ новые центры въ обителяхъ Палестины, Синая, Аѳона и царствующаго града Константинополя. А западные иноки въ это время несли свѣтъ Христова ученія все дальше и дальше на сѣверъ, на туманные острова Британіи, въ покрытыя дѣвственными лѣсами и снѣгами страны Саксовъ и Скандинавовъ. Примыкавшій къ восточно-греческому міру, міръ славянскій еще коснѣлъ въ мракѣ язычества, а племена германскія были уже всѣ просвѣщены мужественными и неустрашимыми служителями Римской Церкви. Когда Церкви Востока волновались внутренними несогласіями и религіозными спорами, Римъ оставался спокойнымъ величавымъ зрителемъ и участвовалъ въ спорахъ настолько, насколько къ этому побуждало высокое достоинство апостольскаго трона и вынуждали обстоятельства: папы осуждали ереси, посылали представителей на вселенскіе соборы, но сами почти не оставляли Рима. Только двое изъ нихъ, несчастные своей судьбой, Либерій и Гонорій, оказались причастными къ дѣлу ересей аріанской и монофелитской, но ни одинъ не былъ основателемъ ересеученія, ни одинъ не заявилъ себя ревностнымъ распространителемъ еретическихъ бредней, вопреки древнимъ преданіямъ божественныхъ рыбарей, благодатію уловлявшихъ вселенную. Правда, западъ почти не зналъ вдохновенныхъ вѣщаній великихъ учителей вѣры. Если исключить первые вѣка, то увидимъ, что лучшіе изъ западныхъ отцовъ бл. Іеронимъ и св. Амвросій Мед., по внутренней связи, принадлежатъ болѣе востоку; бл. Августинъ не отличался жизненностью и силой, какъ это признаетъ даже пр. Филаретъ Черниговскій; остается одинъ Иларій Пуатьесскій. Но недостатокъ въ богословскомъ развитіи искупался отсутствіемъ ересей и строгостью церковной дисциплины. Кромѣ того, постоянно поддерживая связь съ востокомъ, знаменитые учители вѣры, гонимые фанатичными служителями ереси, находили пріютъ въ православныхъ епархіяхъ запада и являли собою Западной Церкви образъ истинныхъ учениковъ Распятаго. Такъ было съ величайшимъ изъ Александрійскихъ папъ съ св. Аѳанасіемъ, то же случилось и съ лучшимъ изъ всѣхъ писателей востока, византійскаго цикла, съ св. Максимомъ Исповѣдникомъ.

Такъ было, пока поддерживалось общеніе съ вселенской носительницей истины. Но вотъ

*) См. „Воскресное Чтеніе" №№ 25-26.

совершилось духовное братоубійство. Властолюбивыя притязанія получили силу внутренняго самоопредѣленія, а всѣ особенности мѣстной жизни пріобрѣли, въ силу обстоятельствъ, характеръ неизмѣнности и подверглись общей участи всѣхъ явленій исторіи: имъ также надлежало пережить —періоды развитія, процвѣтанія и упадка. Но особенности церковной жизни Рима были такого свойства, что въ эпоху ихъ расцвѣта, при сохраненіи связи съ востокомъ, онѣ поражали сухостью и мертвенностью. Что же должно было ихъ ожидать послѣ отдѣленія? Нѣсколько странныхъ особенностей должны были создать уродливую каррикатуру, жалкое подобіе церковной жизни. Такъ и случилось. Во XI вѣкѣ совершился грѣхъ отдѣленія, а уже нѣсколько десятилѣтій спустя явился грозный Григорій VII съ своими воззрѣніями на папскую власть, съ своими притязаніями быть царемъ земныхъ царей. Служитель Бога превратился въ земного владыку, ведущаго войны именемъ Того, Кто, по слову пророка, не угашалъ курящагося льна и не сокрушалъ надломленной трости. Церковная жизнь прекратилась. Суевѣріе замѣнило вѣру и потребовало защитъ отвнѣ, ибо не имѣло внутренней силы. Костры инквизиціи озарили непроглядный мракъ. Всѣ особенности государственной жизни давно были перенесены въ церковную жизнь Рима. Теперь онѣ утвердились окончательно. Римская Церковь болѣе всего напоминаетъ средневѣковое феодальное государство. Папа—это сюзеренъ, правда, власть его неограниченная, но онъ подобно остальнымъ монархамъ ограниченъ внѣшними условіями, ограниченъ своимъ земнымъ могуществомъ, былъ ограниченъ даже областью своихъ земныхъ владѣній. Неограниченный de iure, онъ болѣе, чѣмъ ограниченъ de facto, ограниченъ силою обычая, невѣжества и духомъ среды. Кардиналы, епископы, настоятели монастырей и даже священники — это вассалы папы, болѣе или менѣе могущественные; феодальный строй зналъ различныя степени зависимости: наравнѣ съ королемъ богемскимъ императору могъ непосредственно подчиняться, какъ ленникъ, простой рыцарь, и король англійскій, какъ герцогъ нормандскій, былъ вассаломъ короля французскаго. Подобное же было и въ Западной Церкви. Феодальное государство немыслимо безъ института юристовъ, обязанность которыхъ привести въ опредѣленную систему варварское законодательство и сколько-нибудь обосновать на началахъ римскаго права, память о которомъ была еще жива. Государственная жизнь Церкви такъ же нуждалась въ спеціалистахъ: нужно же дать какое нибудь объясненіе этой жизни, нужно привести въ порядокъ запутанное церковное законодательство, нужно, наконецъ, найти всему этому какія нибудь подтвержденія. Библію, правда, можно не показывать мірянамъ; зачѣмъ простымъ подданнымъ читать постановленія самой высшей инстанціи, мало понятныя даже поставленному ею правительству, съ самимъ царемъ —намѣстникомъ во главѣ! Но вѣдь нельзя же ее совсѣмъ за бортъ! Богословіе западное, даже въ твореніяхъ Августина склонное къ формальной сухости, окончательно опредѣлилось въ этомъ направленіи. Вся сила внутренняго, сокровеннаго духа, вся красота внѣшняго поэтическаго выраженія превратилась, въ сознаніи схоластическихъ богослововъ, въ мертвую, бездушную массу законодательскаго матеріала. Съ утратой, или, точнѣй, непониманіемъ духа буква смѣло вступила въ свои права. Истолкованная на почвѣ чуждой ей аристотелевской логики, принятая, какъ нѣчто безусловное и непреложное, буква церковной литературы представила нѣчто новое, строго законченное, точно опредѣленное, не только въ сущности, но и въ деталяхъ. Отношенія къ Богу, загробная жизнь, тайны человѣческой совѣсти, однимъ словомъ, всѣ важнѣйшіе запросы духа, разрѣшаемые въ твореніяхъ восточныхъ отцовъ долгимъ мучительнымъ процессомъ подвига и созерцанія, здѣсь разрѣшены быстро и съ необыкновенною точностью. Съ Богомъ установленъ точный договоръ: къ Нему есть опредѣленныя обязанности, но зато и Онъ связанъ правами Своихъ подданныхъ, особенно правами Своего земного правительства и Своего не всегда помнящаго свое назначеніе намѣстника. Объ истинѣ, какъ освобождающей силѣ, о любви, упраздняющей страхъ и законъ, не могло быть и рѣчи: эта область души человѣческой не подходитъ подъ рубрики церковнаго законодательства, да и по самому свойству своему мало внушаетъ довѣрія. Истина всецѣло принадлежитъ католической церковной организаціи и познать ее значитъ точно выяснить католическое ученіе, т. е. истолковать Библію въ католическомъ духѣ. Если такое ученіе подтверждаетъ внѣшній авторитетъ Церкви, этого вполнѣ достаточно, а большаго даже не нужно. Свобода духа, любовь—это понятія положительно опасныя: свобода влечетъ за собою ересь, а любовь—она, конечно, необходима,—но нуждается въ поясненіи. Духовные подвиги, умная молитва—это все хорошо, какъ сверхдолжныя добрыя дѣла, какъ заслуга предъ Богомъ, и только. Какъ познаніе истины, указывается внѣшнее ученіе Церкви, а полнота благодати преподается въ семи таинствахъ. Такимъ образомъ, о созерцательномъ богословіи не могло быть и рѣчи, да къ нему западъ не былъ способенъ даже въ цвѣтущій періодъ своей церковной жизни. Живого характера современности богословіе схоластиковъ могло имѣть всего менѣе: вѣдь государственныя науки процвѣтаютъ и возбуждаютъ интересъ только тогда, когда живетъ и развивается самое государство, когда измѣняются формы общественныхъ отношеній, когда созидаются новыя отрасли жизни. Въ государствѣ - Церкви ничего подобнаго быть не можетъ. Высшій небесный Государь разъ навсегда далъ опредѣленную организацію и установилъ опредѣленныя отношенія къ Себѣ. Онъ неизмѣненъ; по крайней мѣрѣ таковымъ объявили Его истолкователи Его законовъ. Неизмѣнны, какъ Онъ Самъ, и Его велѣнія. Земной намѣстникъ также не можетъ и не долженъ мѣнять своего положенія. Этотъ строй неизмѣнный, твердый, имѣющій остаться до того времени, когда его замѣнитъ будущее царство Самого Бога, можно и даже нужно опредѣлить одинъ разъ, но постоянно писать о немъ можно только для красоты слога, для собственнаго удовольствія, можно найти новыя подтвержденія въ высшемъ законодательствѣ, можно подыскать болѣе остроумныя подраздѣленія обязанностей, или удачно разрѣшить придуманныя, затрудненія, но самая система законодательства, самыя формы отношеній неизмѣнны и непреложны, какъ непреложны и неизмѣнны и самые законы и установленныя отношенія. Конечно, всегда могутъ отыскаться мятежныя души, склонныя къ пере-

воротамъ и перемѣнамъ даже въ этой неизмѣнной области. Но эти безумцы забываютъ, что перевороты осуществимы при слабомъ владычествѣ ничтожныхъ правительствъ, а власть Церкви слишкомъ могущественна для страха передъ мятежомъ. Есть цѣлое учрежденіе, ревнующее о повиновеніи Церкви. Св. инквизиція не дремлетъ. Конечно, государственные чиновники могутъ иногда дѣлать экскурсіи въ области философіи и морали, чтобы въ конецъ уничтожить преступниковъ, но это отнюдь не ихъ обязанность, и государственная система деспотіи не можетъ приспособляться къ нуждамъ подданныхъ. Напротивъ, всѣ ихъ способности, силы и стремленія должны быть направлены къ выполненію своего долга, иначе ихъ ожидаетъ тяжкая участь: они, послѣ отдѣленія отъ Церкви, если не сгорятъ въ инквизиціонномъ огнѣ, то явятся внѣ сферы Божественнаго милосердія, какъ нарушившіе договоръ и лишенные покровительства. Ихъ ожидаютъ вѣчныя муки.—Чуждое живого значенія, заключенное въ неизмѣняемыя формулы, порой неимѣющія опредѣленныхъ понятій, а состоящія изъ однихъ только словъ, существующее ради самой науки средневѣковое богословіе получило узкій и жалкій характеръ. Оно имѣло неразрывную связь съ аристотелевской философіей, которая извращала умъ и пріучала его къ игрѣ понятій, къ замѣнѣ понятій, въ случаѣ ихъ непригодности, словами и къ объясненію словъ, смыслъ которыхъ оказался утраченнымъ. Философія считалась какъ бы подготовительницей къ богословію и безусловно для него необходимой. Но философія эта вносила какой-то жалкій, узкій раціонализмъ и явленія божественныя низводила на степень обычныхъ познаваемыхъ предметовъ. „Utrum sacra haec doctrina sit scientia“? читаемъ въ изложеніи Ѳомы Аквинскаго (Сарронъ): „Sic, получается отвѣтъ, subalternata scientia Dei et beatorum“. Выше шла рѣчь о необходимости богословія помимо философіи „ad non excedentia ratione, ut facilius faluemur“? Но развѣ Богъ и Его Божественныя дѣйствія могутъ быть предметомъ знанія въ чисто человѣческомъ смыслѣ этого слова? Развѣ для этого не нужно особыхъ, высшихъ способовъ вѣдѣнія? Этой необходимости схоластическіе богословы не сознавали, считая познаніе одинаковымъ для всѣхъ явленій и различнымъ только въ отношеніи предмета познанія. Utrum scientia una? читаемъ далѣе. Очевидно, авторъ чувствуетъ всю трудность признать богословіе обычнымъ, человѣческимъ знаніемъ, обычной наукой. Но съ смѣлостью, отмѣченною еще Грановскимъ (Людов. X), онъ быстро разрѣшаетъ это затрудненіе. Далѣе мы читаемъ: „Sic formaliter licet possit dici plures materialiter“. Итакъ, высшая область вѣдѣнія превращена въ обычную науку, которой надлежитъ развиваться въ положенныхъ предѣлахъ.

II.

Кіевское богословіе.

Въ силу роковой исторической случайности западно-русская церковная жизнь подвергалась вліянію Латинской Церкви, омраченной духомъ ереси. Вліяніе это было двоякаго рода. Одно вліяніе насильственное, выразившееся окончательно въ почти подневольной уніи съ Римомъ: это вліяніе явное, открытое; его дѣйствіе могло быть такъ же явно уничтожено, и тѣмъ же самымъ способомъ, какъ оно и было уничтожено православнымъ правительствомъ Николая I-го. Гораздо опаснѣе и продолжительнѣе было вліяніе другого рода, медленное, постепенное, но зато прочное и глубокое и едвали склонное къ скорому уничтоженію. Православіе епископовъ западныхъ русскихъ областей было всегда выше всякаго сомнѣнія. Помимо нѣсколькихъ измѣнниковъ вѣрѣ своихъ отцовъ, совершившихъ это страшное преступленіе изъ мірскихъ выгодъ, исторія указала намъ многочисленный сонмъ ревностныхъ борцовъ за православіе противъ латинской ереси. О какой-либо нравственной зависимости отъ ненавистной Латинской Церкви не могло быть и рѣчи. Особенности латинскаго вѣроисповѣданія—filioque, опрѣсноки и чистилище, всегда осуждались, какъ ереси. Но въ западной Россіи XVI вѣка не было прочныхъ и надежныхъ хранилищъ божественнаго ученія. Сама церковная жизнь подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ переживала періодъ упадка. Все вниманіе церковной іерархіи было всецѣло устремлено на сохраненіе внѣшняго положенія Православной Церкви, на развитіе ея правъ; такимъ образомъ, святителямъ пришлось погрузиться въ дѣла чисто человѣческія, что непремѣнно отвлекаетъ отъ изученія Божественныхъ глаголовъ и дѣлаетъ умъ малоспособнымъ къ пониманію глубины Писанія. Жизнь образованныхъ классовъ западно-русскаго общества подпала вліянію свѣтской жизни поляковъ; хорошихъ обителей, которыя могли бы сохранить чистоту чисто-церковной жизни, также не было, ибо общій упадокъ неизмѣнно коснулся и западно-русскихъ монастырей. Народъ всегда отличался ненавистью къ латинской ереси и строгимъ храненіемъ церковныхъ преданій, но по своему невѣжеству и склонности смѣшивать Церковь и народность, чѣмъ вообще склонны грѣшить славянскіе народы, онъ, конечно, не могъ быть хранителемъ и истолкователемъ Христовой истины. Утративъ, такимъ образомъ источникъ собственнаго учительства, западно-русскіе іерархи рѣшили бороться съ ересью ея же оружіемъ, рѣшили усвоить латинское богословіе, откинувъ, разумѣется, всѣ вѣроисповѣдныя особенности, указанныя приснопамятнымъ обличителемъ запада бл. вселенскимъ патріархомъ Фотіемъ. Такимъ образомъ, раціоналистическая схоластика была пересажена на западно-русскую почву и легла въ основу богословской науки, потому что великій патріархъ Фотій не имѣлъ случая и побужденія осуждать самую схоластику и писать что либо объ источникахъ и способахъ церковнаго вѣдѣнія. Первыми замѣчательными произведеніями истинно-русской письменности были „Большой Катихизисъ“ Лаврентія Зизанія и „Православное Исповѣданіе“ митрополита Кіевскаго Петра Могилы. Мы остановились именно на этихъ произведеніяхъ, какъ по ихъ исключительной важности, такъ и потому, что одобренныя церковною властью восточно-русской (Больш. Кат.) и греческою (Испов.), они послужили началомъ дальнѣйшей богословской науки. Кромѣ того, въ этихъ произведеніяхъ, какъ справедливо утверждаетъ патріархъ Іерусалимскій Нектарій относительно „Исповѣданія“, содержится исповѣданіе правое и чистое, не имѣющее въ себѣ ни малѣйшей примѣси отъ новизнъ какихъ-либо другихъ исповѣданій, т. е. нѣтъ никакихъ особенностей исповѣданія латин-

скаго и протестантскаго. Зависимость же ихъ отъ произведеній латинской схоластики такого рода, что можетъ быть отмѣчена только при условіи глубокаго знакомства съ духомъ древне-отеческой литературы и правильнаго пониманія задачъ церковнаго ученія. Каждый отдѣльный пунктъ названныхъ системъ, да и самая форма системы заимствованы изъ латинскаго катихизиса, какъ вполнѣ вѣрно указалъ г. Ильинскій въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" 1899 г.; но, говоря о латинскихъ заблужденіяхъ Лаврентія Зизанія, авторъ указанной статьи говоритъ исключительно о различныхъ мелкихъ оговоркахъ и самыхъ невинныхъ особенностяхъ Большого Катихизиса. Ему, повидимому, и въ голову не приходитъ указать, какъ на что-то новое и на совершенно исключительное по сравненію съ святоотеческими твореніями,—на пониманіе *религіозной жизни, какъ обязанности* (Больш. Кат. л. 1 и Пр. Исп. 1), раздѣленіе всей системы ученія на обязанности вѣры, надежды и любви, механическое присоединеніе въ Большомъ Катихизисѣ ученія о таинствахъ и на самый діалогическій методъ, какъ на наслѣдіе схоластики. Всѣ эти свойства не входятъ въ составъ вѣроисповѣдныхъ особенностей Латинской Церкви и поэтому не представлялись сознанію первыхъ Кіевскихъ богослововъ опасными для чистоты православія, а для богослововъ послѣдующихъ естественно явились основаніемъ для установки традиціонныхъ формъ богословія. И дѣйствительно, нельзя не признать, что система, заимствованная у латинскихъ схоластиковъ, по своей цѣльности и законченности превосходитъ древнія святоотеческія системы, вполнѣ или, по крайней мѣрѣ, очень значительно зависящія отъ случайныхъ обстоятельствъ эпохи и отражавшія въ себѣ духовныя нужды своего времени, тогда какъ схоластическая система представляетъ изъ себя нѣчто неизмѣнное и постоянное. Но самое существенное различіе между системами святоотеческими и схоластической во внутренней силѣ, жизненности и естественности первыхъ и внѣшней механичности, бездушности и искусственности второй.

Если по прочтеніи „Точнаго изложенія православной вѣры" пр. Іоанна Дамаскина или „Просвѣтителя" Іосифа Волоцкаго приступить къ разсмотрѣнію „Большаго Катихизиса" или „Православнаго Исповѣданія", то сразу повѣетъ совершенно инымъ духомъ, сразу чувствуется совершенно иная атмосфера. Нѣтъ святоотеческой силы и дерзновенія, нѣтъ художественнаго выраженія вселенской истины. Всѣ второстепенныя понятія, несоотвѣтствующія величію божественнаго таинства и употребляемыя отцами, какъ уподобленіе для болѣе легкаго воспріятія слабымъ человѣческимъ умомъ высшихъ истинъ, какъ напр., понятіе долга, понятіе правды, понятіе жертвы, здѣсь возведены во что-то абсолютное и разсматриваются какъ самобытное, метафизическое бытіе. Снисходя къ неразумію немощныхъ, склонныхъ оставаться на пониманіи буквы Писанія, свв. отцы такъ же истолковали буквальный смыслъ Божіихъ глаголовъ и считались съ такимъ невозможнымъ по существу дѣленіемъ, какъ вѣра и добрыя дѣла, въ схоластическихъ же памятникахъ Кіевской письменности это дѣленіе принято за неизмѣнную форму религіозной жизни, даже безъ поясненія, что съ точки зрѣнія Христовой истины добрыя дѣла не могутъ считаться особою заслугою и представляютъ собою только внѣшнее обнаруженіе вѣры, какъ полнаго и совершеннаго подчиненія ученію Евангельскому, которое заповѣдуетъ творить добрыя дѣла, такъ чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая. Въ святоотеческихъ твореніяхъ нельзя также указать дѣленія Христовой истины на вѣроученіе и нравоученіе, но это всегда поставляется во внутренней связи и постоянно указывается внутреннее единство. Такъ, напр., св. Григорій Синаитъ дѣлаетъ такое поясненіе закона: „Законъ заповѣдей разумѣй, какъ сердечно дѣйствующую вѣру непосредственную. Ибо изъ нея всякая заповѣдь источается и совершается просвѣщеніе душъ, въ коихъ тогда проявляются такіе плоды истинной и дѣйственной вѣры: воздержаніе, любовь, какъ конецъ совершенства, смиреніе, какъ особый даръ Божій и утвержденіе всего" (Добр. V, 202). Взаимо-отношеніе же вѣроученія и нравственныхъ подвиговъ лучше всего видно въ слѣдующихъ словахъ Ѳеодора Едесскаго изъ его умозрительнаго слова: „Три потребны намъ средства (къ богоугожденію), изъ которыхъ первое и величайшее есть къ Богу очей своихъ всецѣлое обращеніе и отъ Него руки помощи испрашиваніе, все упованіе на Него возлагая, по искреннему убѣжденію, что если Онъ не заступится, то неизбѣжно впадемъ въ плѣнъ тѣхъ, кои влекутъ насъ къ себѣ. Второе же, которое, какъ я полагаю, служитъ причиною и перваго, *унапитаніе* вѣдѣніемъ. Подъ вѣдѣніемъ же симъ я разумѣю вѣдѣніе всего сущаго, чувственнаго и мысленнаго, какъ оно есть само по себѣ и какое отношеніе имѣетъ къ первой причинѣ, яко отъ нея и для нея существующее и доступное для насъ созерцаніе Виновника всего сущаго по наведенію изъ того, что отъ Него. А третье, что должно быть при семъ, есть умерщвленіе супружницы нашей плоти; ибо иначе невозможно ясно и раздѣльно узрѣть сказанныя проявленія небесныхъ оныхъ добротъ. Умерщвляется же плоть постомъ, бдѣніемъ, спаніемъ на голой землѣ, суровою одеждою необходимою и утомительными трудами. Такъ умерщвляется или лучше сораспинается Христу плоть. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, утонченною и очищенною, легкою и благоустроенною, она удобно, безъ сопротивленія слѣдуетъ за движеніями ума и вмѣстѣ съ этимъ возвышается горѣ. Безъ сего же всякое стараніе наше оказывается тщетнымъ" (Добр. III, 84). Помимо сказаннаго нами попытка раздѣлить отношенія къ Богу на вѣру и добрыя дѣла ввела путаницу въ самую систему схоластики: при точности и внѣшней стройности системы ученіе о надеждѣ оказывается совершенно излишнимъ, ибо о вѣрѣ говорится въ первой части системы, а добрыя дѣла отождествляются съ любовію, составляющей содержаніе третьей части. Но и въ самой основѣ Кіевской системы дѣло не ограничивается одними внѣшними несообразностями: основной взглядъ на отношенія къ Богу, только какъ на обязанность, положительно не выдерживаетъ, съ точки зрѣнія святоотеческаго пониманія религіи, никакой критики. „Что долженъ имѣть православный каѳолическій христіанинъ, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную"? читаемъ на первой страницѣ православнаго исповѣданія. Такой вопросъ рѣшительно невозможенъ. Усвоеніе временнымъ и тлѣннымъ естествомъ человѣка началъ вѣчной и нетлѣнной жизни—явленіе очень сложное и слишкомъ глубокое, такъ что только

крайне поверхностное пониманіе спасенія, или—что вѣрнѣе, стремленіе къ внѣшней опредѣленности могутъ ограничить спасеніе исключительно элементомъ обязанности. Въ различные періоды духовнаго развитія человѣкъ руководится въ дѣлѣ спасенія различными формами сознанія. „Страхъ геенны понуждаетъ вводимыхъ въ сказанный путь избѣгать грѣховъ; желаніе воздаянія благъ придаетъ готовности преуспѣвающимъ въ дѣланіи добродѣтелей; а таинство любви восторгаетъ умъ превыше всего тварнаго, содѣловая его слѣпымъ для всего, что послѣ Бога. Ибо только тѣхъ, кои содѣлались слѣпыми для всего,—что послѣ Бога, Господь умудряетъ, показывая имъ Божественнѣйшее" (III, 255). Это свидѣтельствуетъ пр. Максимъ Исповѣдникъ.—Въ первой изъ трехъ указанныхъ степеней духовнаго развитія элементъ долга несомнѣнно существуетъ, ибо понятіе наказанія содержитъ въ себѣ представленіе о неисполненной обязанности, но уже во второй степени довольно трудно отыскать идею обязанности, если наказаніе предполагаетъ неисполненную обязанность и мыслимо исключительно при этомъ условіи (наказаніе несправедливое не есть въ существѣ дѣла наказаніе, а просто притѣсненіе), то понятіе награды вовсе не слѣдуетъ непремѣнно за исполненіемъ обязанности, потому что обязанность остается во всей силѣ и безъ награды; но въ этомъ случаѣ, какъ видно, съ натяжками можно усматривать формы обязанности, но въ третьей степени духовнаго совершенства нѣтъ никакой возможности даже при всемъ желаніи найти хоть слабый намекъ на понятіе обязанности. Любовь, восторгающая душу превыше всего тварнаго и исполняющая умъ вѣдѣніемъ высшихъ таинствъ вѣры, исключаетъ не только необходимость, но, кажется, и возможность какихъ-либо обязанностей, вызываемыхъ обычно человѣческими несовершенствами. Понятіе долга содержитъ въ себѣ нѣчто понудительное, что беретъ верхъ въ борьбѣ съ безсильной относительно добра человѣческой волей, а любовь по самой природѣ своей есть сильный и свободный подъемъ лучшихъ силъ души.

III.

Раздѣленіе Кіевскаго Катихизиса.

Содержаніемъ „Православнаго Исповѣданія" Петра Могилы служитъ ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви. Большой Катихизисъ изъ буквальнаго подражанія латинскимъ системамъ вводитъ, какъ особый отдѣлъ, ученіе о таинствахъ. Вполнѣ понятно, что это различіе не представляетъ существеннаго значенія, потому что ученіе о таинствахъ можно съ удобствомъ помѣстить въ изложеніе вѣры, что и сдѣлано въ Исповѣданіи. Слѣдовательно, основнымъ принципомъ Кіевской системы, если не считать миніатюрнаго предисловія къ Большому Катихизису, трактующаго и о назначеніи человѣка, и о крестномъ знаменіи, нужно признать дѣленіе всей религіозной жизни человѣка на вѣру, надежду и любовь. На первый взглядъ такое дѣленіе представляется вполнѣ согласнымъ съ духомъ христіанства, какъ имѣющее основаніе въ словахъ Апостола (I Кор. XIII, 13) и не чуждое святоотеческому пониманію духовной жизни. Такъ въ подвижническомъ словѣ бл. Діадоха читаемъ: „Духовнымъ созерцаніемъ да предводительствуетъ вѣра, надежда и любовь" (Добр. III, 1). „Безъ вѣры, надежды и любви", говоритъ св. Максимъ Исповѣдникъ, „какъ изъ худаго ничего въ конецъ не истребляется, такъ и изъ добраго ничто совершенно не установлено въ насъ" (III, 286). Но дальше свв. отцы поясняютъ, какую именно силу имѣютъ означенныя добродѣтели: „вѣра и надежда", читаемъ далѣе, „научаютъ только презирать видимыя блага, а любовь самую душу чрезъ добродѣтели сочетаваетъ съ Богомъ, умнымъ чувствомъ постигая Невидимаго" (Тамъ же). Подобное же встрѣчаемъ и у св. Максима Исповѣдника, который говоритъ (Добр. III, 270): „Конецъ всѣхъ благъ есть любовь, такъ какъ она всѣхъ ходящихъ въ ней ведетъ, приводитъ и приближаетъ къ верховнѣйшему изъ благъ Богу, виновнику всякаго блага, какъ всегда вѣрная, никогда не отпадающая и всегда неизмѣнно пребывающая. Надежда есть крѣпость стоящихъ по краямъ ея, справа и слѣва, любви и вѣры, какъ собою самою обѣимъ имъ показующая вѣрность и достолюбезность, и путь къ тому творить научающая. Любовь есть исполненіе ихъ, какъ вся все послѣднее (желательное) объемлющая, вмѣсто вѣры въ то, что есть, и надежды того, что будетъ, вводя собою обладаніе симъ какъ настоящимъ, и вкушеніе того, какъ присущаго". И въ другомъ мѣстѣ тотъ же св. отецъ говоритъ: „Вѣра убѣждаетъ боримый умъ прибѣгать къ Богу и возбуждать его къ дерзновенію увѣреніемъ въ готовности для него всякихъ духовныхъ орудій; надежда бываетъ для него необманчивою поручительницей за Божественную помощь, обѣщая истребленіе противныхъ силъ, а любовь содѣловаетъ его неудобоотторжимымъ, лучше же совсѣмъ неотторжимымъ отъ родственнаго сочетанія съ Божественнымъ, даже и во время самой брани, прилѣпляя всю силу его расположенія къ вожделѣнію Божественнаго" (Тамъ же, 286). Изъ этихъ свидѣтельствъ богомудрыхъ мужей видно, что всѣ три добродѣтели представляютъ изъ себя различное какъ бы развитіе одного начала или три степени одного и того же духовнаго восхожденія къ совершенству. Подъ вѣрою имѣется въ виду преданность Богу, какъ начало добродѣтелей, надежда понимается или какъ усиленіе вѣры, или какъ субъективное усвоеніе истинъ благочестія, полнота же вѣдѣнія приписывается и любви, какъ совершенному исполненію Божественной воли. Толковники апостола Павла также видятъ въ вѣрѣ и надеждѣ только переходную степень къ любви, которой принадлежитъ полное и единоначальное господство въ будущемъ вѣкѣ. Такъ Златоустъ говоритъ по поводу 13 ст. 13 гл. I Кор., гдѣ любовь ставится выше и вѣры и надежды: „Здѣсь новая похвала любви". Не довольствуясь прежде сказаннымъ, Апостолъ старается найти въ ней еще нѣчто иное. Смотри: онъ сказалъ, что любовь есть великій даръ и путь къ дарамъ превосходнѣйшій, сказалъ, что безъ нея дарованія не приносятъ большой пользы, написалъ ея изображеніе обильными чертами, а теперь хочетъ наипаче возвысить ее и показать величіе ея тѣмъ, что она не прекращается: „нынѣ же", говоритъ, „пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія; больши же сихъ любы". Почему же любовь больше? Потому, что тѣ преходятъ. Вѣра и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющія предметъ вѣры и надежды". Подобно этому утверждаетъ и бл. Өеодоритъ: „Въ будущей жизни излишняя вѣра, когда явными содѣлаются самыя вещи". Если „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе" (Евр. 11, 1), то, по явленіи

самыхъ вещей, нѣтъ уже потребности въ вѣрѣ. Также излишняя тамъ и надежда, ибо „упованіе видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ око, что и уповаетъ? (Рим. 8, 24). Но любовь тамъ паче имѣетъ силу, когда упокоятся страсти, тѣла сдѣлаются нетлѣнными, а души не оудутъ избирать нынѣ то, а завтра другое. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Есть теперь пока и пророчества и языки, потому что они необходимы для утвержденія вѣры. Но, когда вѣра распространится повсюду и утвердится, тогда дары тѣ прекратятся, а пребудетъ вѣра, надежда и любовь, пребудетъ до скончанія вѣка. По скончаніи же вѣка, вѣра и надежда престанутъ, а любовь перейдетъ и въ будущій вѣкъ". На основаніи этихъ свидѣтельствъ толковниковъ Ап. Павла, авторитетъ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, всѣ три названныя добродѣтели нельзя принимать за три отдѣльныя начала, взаимно ограничивающія другъ друга, напротивъ, указывается ихъ полное единство и возможность полнаго сліянія въ царствѣ любви. Но это обстоятельство вовсе не даетъ права считать вѣру началомъ любви: при единствѣ органическомъ нѣтъ возможности указать, что составляетъ начало, и что дальнѣйше развитіе, только при механическомъ пониманіи явленія ясно выдѣляются и причины и слѣдствія. У бл. Діадоха находимъ указаніе, что любовь, представляющая завершеніе всего духовнаго развитія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начало: „Любящій Бога и вѣруетъ искренно и дѣла вѣры совершаетъ преподобно. Вѣрующій же только, а не пребывающій въ любви, и самой той вѣры, которую кажется имѣющимъ, не имѣетъ. Онъ вѣруетъ съ нѣкоторою легкостью ума, не нося въ себѣ дѣйственнаго отвѣса преславной любви. Только вѣра, любовію дѣйствующая, есть великая главизна добродѣтелей" (Добр. III 20). Но и вѣра и любовь имѣютъ болѣе глубокое внутреннее основаніе: „Никто не можетъ искренно любить, или вѣровать иначе, какъ если онъ не имѣетъ себя самого осудителемъ себя" (Добр. III 21). Слѣдовательно, разсуждая о вѣрѣ и любви, нужно всегда имѣть въ виду, что ихъ значеніе въ духовной жизни не можетъ исчерпываться готовымъ содержаніемъ какихъ-либо формулъ, а представляетъ изъ себя весьма сложный нравственно-психологическій процессъ, гдѣ собственно коренное и главное разграниченіе между этими тремя добродѣтелями указать въ высшей степени трудно. Если сказать, что вѣра представляетъ первую степень духовнаго развитія, то всегда можно указать, что ей усвояется высокое значеніе въ судьбахъ вселенной, едва ли возможное для добродѣтели первоначальной (Евр. II). Наконецъ, содержаніе вѣры очень часто смѣшивается съ содержаніемъ надежды; примѣръ такого смѣшанія мы даже видимъ у ап. Павла. „Вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ" (Евр. II, 1). Если вѣра есть осуществленіе ожидаемаго, то что же такое надежда? Единственно, что можно сказать по этому поводу — это о болѣе субъективномъ личномъ значеніи надежды. Надежда есть личное проникновеніе обѣтованіями вѣры и отношеніе ихъ всѣхъ къ самому себѣ. Въ пользу такого пониманія надежды много говоритъ истолкованіе ея въ твореніяхъ св. Исаака Сирина: „Человѣкъ, который вовсе не имѣетъ заботы о скорогибнущемъ, но всецѣло, днемъ и ночью, ввѣряетъ себя Господу, не заботится ни о чемъ мірскомъ, по великой своей рачительности о добродѣтеляхъ — все свое время употребляетъ на занятіе Божественнымъ и потому не радитъ о приготовленіи себѣ яствъ и одеждъ, объ устроеніи жилища тѣлу и о всемъ прочемъ —такой человѣкъ прекрасно и разумно надѣется на Бога, потому что сдѣлался рабомъ Его, и рачителемъ дѣлу Его, не предается нерадѣнію по какой бы то ни было причинѣ" (Ис. С. 343). Но развѣ всего сказаннаго нельзя признавать свойствомъ истинной вѣры, которая, какъ мы уже говорили, невозможна безъ любви? Быть можетъ, указывая на эти три добродѣтели, ап. Павелъ имѣлъ въ виду увѣренность въ Богооткрытыхъ истинахъ подъ вѣрою,—подъ надеждою—постоянное ожиданіе второго пришествія Христа, а подъ любовію—настроеніе, исполненное кротости и всепрощенія. За такое пониманіе надежды можно привести взглядъ ап. Павла на ожиданіе втораго пришествія, какъ на существенную особенность христіанъ, отличающую ихъ отъ язычниковъ. Такъ къ Солунскимъ христіанамъ онъ пишетъ: „*Отъ васъ пронеслось слово Господне не только въ Македоніи и Ахаіи, но и во всякомъ мѣстѣ прошла слава о вѣрѣ вашей въ Бога, такъ что намъ ни о чемъ не нужно разсказывать. Ибо сами они сказываютъ о насъ, какой входъ имѣли мы къ вамъ и какъ вы обратились къ Богу отъ идоловъ, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать съ небесъ Сына Его, Котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ, Іисуса, избавляющаго насъ отъ грядущаго гнѣва*" (I Ѳес. 1, 8—10). Здѣсь можно указать всѣ три названныя добродѣтели: сначала апостолъ говоритъ о вѣрѣ, т. е. увѣренности въ несомнѣнномъ бытіи Бога, потомъ о служеніи Ему, т. е. о любви, и, наконецъ, объ ожиданіи Его Сына съ небесъ, что на нашъ взглядъ можно считать христіанскою надеждою. Но и въ данномъ мѣстѣ остается въ полной силѣ наше замѣчаніе о невозможности установить особый оттѣнокъ каждой изъ нихъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но несомнѣнна также ихъ тѣсная связь и единство ихъ содержанія. То же самое должно сказать и относительно любви.

Столь тѣсная, взаимная связь вѣры, надежды и любви, единство ихъ содержанія и полная невозможность указать, гдѣ прекращается одна изъ нихъ и начинается другая, дѣлаютъ безусловно невозможнымъ постановку этихъ добродѣтелей въ основѣ изложенія церковнаго ученія. Вѣдь предметомъ вѣры и надежды и любви является одинъ и тотъ же Богъ, а съ точки зрѣнія психологіи субъекта, вѣра и надежда и любовь представляютъ, какъ мы видѣли уже, три стороны одной и той же духовной силы. Наконецъ, представить психологическую систему богословія —эта задача была бы по силамъ величайшимъ богословамъ вселенной, но превосходила болѣе, чѣмъ слабыя силы Кіевскихъ авторовъ и ихъ предшественниковъ — западныхъ схоластиковъ. Католическій катихизисъ (Станевскаго) не довольствуется даже этими пунктами и вводитъ еще самостоятельное ученіе о таинствахъ, какъ будто они не могутъ быть отнесены къ области вѣры, и отдѣлъ о христіанской праведности, какъ будто любовь не есть исполненіе высшей праведности. Здѣсь механичность системы и игра словами ужъ прямо изумительны.

Все, сказанное нами относительно характера трехъ основныхъ добродѣтелей, показываетъ, что изложеніе содержанія ихъ въ видѣ системы церковнаго ученія влечетъ за собою спутанность самой системы и множество разнаго рода натя-

жекъ. Но, быть можетъ, представители Кіевскаго направленія даютъ какую-либо исключительную характеристику ихъ, устанавливаютъ новое, оригинальное пониманіе, дѣлающее вполнѣ возможнымъ невозможное съ принятой нами старинной святоотеческой точки зрѣнія? Отнюдь нѣтъ; Лаврентій Зизаній даетъ имъ такія опредѣленія: „Вѣра есть благодать и даръ Божій, иже понуждаетъ насъ къ Божественныхъ словесъ послушанію, вѣра есть осѣненіе Св. Духа, имже распаляеми наставляемся къ разумѣнію истиннаго Бога нашего, вѣра есть надѣяніе невидимыхъ всѣхъ обѣщанныхъ благъ воспріятія, вѣра есть яже ко исполненію церковнаго гласа, всегда вопіетъ намъ глаголя, еже чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка аминь; вѣра есть изъѣщеніе и проповѣдь воистину Истиннаго, Сущаго Бога, вѣра есть, якоже егда пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ причащенія и пріемлемъ тогда хлѣбъ въ самое тѣло, а вино въ самую честную кровь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа пріемлемъ, якоже и Павелъ пиша глаголетъ, чаша благословенія, еяже благословляемъ, не общеніе-ли крови. Хлѣбъ есть, хлѣбъ, его же ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова. Что же и Самъ Господь глаголетъ: хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть; вѣра есть, еже о Бозѣ разумѣти и не къ тому сомнѣнія ради расцѣпляемому быти во иныя мысли, и не стаящее невѣдѣніе. Вѣра есть соединеніе благими дѣлы Христу и вѣры яже во Христа утвержденіе присно пребывательныя и никогда же колеблемыя. Вѣра есть разумѣніе Божіе и что есть воля и како—благоволеніе Его, еже ко спасенію нашему" (Больш. К. 4).

Такое истолкованіе вѣры—очень сильное и краснорѣчивое, къ сожалѣнію, не отличается опредѣленностью и не указываетъ специфическихъ особенностей *вѣры*, присущихъ только ей одной изъ всѣхъ трехъ основныхъ добродѣтелей. Столь же сильно и краснорѣчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленно формулируется и надежда. „Надежда христіанская, иже есть животъ сокровенъ (?) со Христомъ въ Бозѣ, якоже къ Колоссаемъ Павелъ глаголетъ и, егда явится Христосъ, тогда явится жизнь наша, и упованіе наше, и Іоаннъ Златоустый глаголетъ, кое же есть упованіе благовѣстія, развѣ Христосъ, той бо есть миръ нашъ, и паки ничтоже рече сице питаетъ душу, якоже надежда благая, ея же ожидаемъ, то же и получимъ" (Гл. 39). Мы видѣли выше, что второе пришествіе и жизнь будущаго вѣка авторъ Большого Катихизиса относилъ къ предметамъ вѣры, теперь то же самое включается въ область надежды. Что же касается до свойствъ надежды, питающей душу и возводящей ко Христу, то это можно сказать и о каждой другой добродѣтели. Нѣсколько болѣе ярко опредѣляется и любовь... „Любовь,—яже ко искреннему, зло не творитъ, любовь чистая врѣсноту (т. е. по истинѣ) есть любовь. Егда ни въ чемъ же суще любящему потребни, любими есмы отъ Него. Егда всегда намъ благая творитъ, о всѣхъ присно тщится, еже быти намъ пріятникомъ благихъ Его. Любовь вселенную утверди, любовь съ небесемъ землю смѣси, любовь человѣки ангелы сотвори, любовь всѣхъ вѣрныхъ сладость и веселіе, и радость, любовь есть всѣхъ благихъ корень и основаніе и мати и ничто же могу представити противу достоянія ея. Сице есть любовь" (Гл. 53). Здѣсь точно указаны признаки любви къ ближнему, которая не исчерпываетъ всей полноты христіанской любви, о которой нѣкто изъ святыхъ сказалъ: „Я былъ спрошенъ, что такое сердце милующее, и сказалъ, возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце его, и не можетъ онъ вынести или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемой тварью. А посему и о безсловесныхъ, но врагахъ истины и дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были помилованы, а также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія во всемъ Богу" (Ис. С. 48). Изъ сопоставленія этихъ двухъ опредѣленій видно, что пониманіе любви въ Большомъ Катихизисѣ выясняетъ только нѣкоторыя и при этомъ маловажныя стороны этой духовной силы и потому ученіе о любви въ пониманіи Кіевскихъ богослововъ отнюдь не можетъ представить изъ себя самостоятельной части церковнаго вѣроученія. Относительно же содержанія христіанской вѣры и надежды нужно замѣтить, что каждый изъ этихъ отдѣловъ можетъ представлять вполнѣ законченную формулу христіанскаго ученія объ отношеніи человѣка къ Богу, ибо основа вѣры и упованія одна и та-же. Не представляетъ также изъ себя ничего невозможнаго изложеніе всего содержанія христіанства, какъ ученія о любви и основаннаго на любви же. Такимъ образомъ при невозможности точно и опредѣленно разграничить предметъ ученія о вѣрѣ, надеждѣ и любви, Кіевскимъ ученымъ, или вѣрнѣе — западнымъ схоластикамъ, потому что первые *беззастѣнчиво* взяли системы у вторыхъ, пришлось допустить цѣлый рядъ натяжекъ при выясненіи того, что именно должно писать въ отдѣлѣ о вѣрѣ, что въ ученіи о надеждѣ, что въ изложеніи содержанія христіанской любви. Если въ ученіи о вѣрѣ можно говорить о божественномъ предметѣ вѣры, то этого нельзя излагать въ послѣдующихъ отдѣлахъ, ибо пришлось повторять бы то же самое. Изъ этого безвыходнаго затрудненія схоластиковъ вывелъ ихъ обычный пріемъ —замѣнять трудныя понятія пустыми словами, различныя комбинаціи которыхъ имъ вполнѣ подъ силу.

IV.

Содержаніе ученій о вѣрѣ, надеждѣ и любви.

Представляя систему христіанскаго ученія, какъ сумму ученій о вѣрѣ, надеждѣ и любви, иногда прилагая къ этому еще ученіе о таинствахъ и христіанской праведности, авторы католическихъ катихизисовъ, и вслѣдъ за ними и наши Кіевскіе авторы XVI столѣтія каждой изъ этихъ духовныхъ силъ отводятъ особую формулу, взятую изъ каноническихъ опредѣленій Церкви. Противъ самыхъ формулъ вѣры, надежды и любви такимъ образомъ говорить не приходится. Но въ высшей степени интересны и заслуживаютъ глубокаго вниманія всѣхъ безпристрастныхъ изслѣдователей богословской системы естественно возникающіе вопросы: а) нужно ли при изложеніи церковнаго ученія стоять на почвѣ опредѣленной формулы? и б) до какой степени форму-

лы, принятыя схоластиками, соотвѣтствуютъ дѣйствительному содержанію тѣхъ сторонъ духовной жизни, которыя они пытаются выразить во взятыхъ формулахъ.

Историческое рѣшеніе перваго вопроса будетъ скорѣе благопріятнымъ для схоластиковъ. Въ пользу ихъ приверженности къ опредѣленной формулѣ можно указать на несомнѣнное древнее происхожденіе символовъ, на высокое уваженіе къ символу со стороны соборовъ и св. отцовъ и на многочисленныя творенія богословско-полемической святоотеческой письменности, гдѣ буква писанія разсматривается какъ опредѣленная формула. Но вся сила сказаннаго нами ослабляется, если и не уничтожается совсѣмъ, когда мы вспомнимъ о причинахъ появленія символовъ и высокаго къ нимъ уваженія и о побужденіяхъ, которыми руководствовались свв. отцы въ полемикѣ съ еретичествующими учителями. Если припомнимъ раннее происхожденіе самыхъ сложныхъ и запутанныхъ ересей, уничтожавшихъ самую сущность христіанской догматики, и примемъ во вниманіе духъ пропаганды, свойственный всѣмъ древнимъ еретическимъ общинамъ, то едва ли покажется страннымъ взглядъ, что первоначальное значеніе символовъ было *предохранительное*. Въ видахъ предохраненія истинныхъ понятій о Божествѣ, былъ составленъ и знаменитый символъ Перваго Собора, окончательно формулированный на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ. Какія побужденія заставили свв. отцовъ 3-го Вселенскаго Собора признать неизмѣнность самыхъ выраженій Никео-Константинопольскаго символа? Безъ сомнѣнія, страхъ, что измѣненія неудачныя дадутъ поводъ къ новымъ церковнымъ смутамъ, что на основаніи кажущагося принятія ереси послѣдуетъ дѣйствительный переходъ въ ересь, и что наиболѣе ревностные противники ереси внесутъ распри и раздѣленія изъ-за словъ, даже невинныхъ. До какой степени свв. отцы Ефесскаго Собора были мудры и какъ вѣрно понимали они склонный къ пререканіямъ духъ человѣческій, лучше всего свидѣтельствуетъ искаженіе символа, допущенное западомъ, и до сихъ поръ не умолкающіе споры по поводу filioque. Если даже въ наши дни безусловнаго превращенія богословія въ спекулятивную компиляцію возможны разсужденія объ исхожденіи Святаго Духа, хотя сами спорящіе очень мало понимаютъ, что такое исхожденіе Духа, и почему этотъ догматъ имѣетъ для Церкви такой смыслъ, что измѣненіе его оправдываетъ даже грѣхъ раздѣленія, то въ эпоху Вселенскихъ Соборовъ, когда помимо богословской софистики многіе были причастны созерцательному вѣдѣнію, когда вопросы богословскіе не ограничивались болѣе, чѣмъ узкою областью нѣсколькихъ богословскихъ и только иногда охранительныхъ изданій, а были содержаніемъ жизни не только професіональныхъ богослововъ, но и всего христіанскаго (церковнаго) общества, не знавшаго никакой свѣтской жизни и не отвлекавшагося свѣтскими интересами,—въ то время слѣдствія даже маловажнаго измѣненія символа были бы по истинѣ ужасными; стоитъ только вспомнить, что сущность каждой изъ ересей IV и V вѣковъ удобно формулировалась въ нѣсколькихъ словахъ, и измѣненія нѣсколькихъ буквъ давали торжество еретикамъ. Такое положеніе дѣла заставляло отцовъ Церкви, вообще чуткихъ къ нуждамъ своей эпохи, относиться весьма осторожно къ измѣненіямъ и добавленіемъ въ символѣ, а по мѣрѣ уничтоженія надобности въ дополненіяхъ, уничтожить и самую ихъ возможность. Но это мѣропріятіе, вызванное внѣшними обстоятельствами, не имѣло окончательнаго рѣшающаго абсолютнаго значенія для сущности Божественнаго ученія, окончательно и вполнѣ едва ли выразимаго блѣднымъ языкомъ человѣческимъ. О побужденіяхъ же, руководившихъ свв. отцами въ твореніяхъ полемическихъ, гдѣ они становились на точку зрѣнія толкованія буквы, мы сказали выше, но, когда свв. отцы излагали содержаніе Христовой истины, не имѣя въ виду еретическихъ ученій, они, какъ мы объ этомъ также говорили, стояли всегда на почвѣ созерцанія духовнаго и были очень невысокаго мнѣнія о буквальномъ пониманіи Св. Писанія. Такъ св. Максимъ Исповѣдникъ говоритъ: „Во святомъ Писаніи можно различать плоть и духъ, какъ бы оно было нѣкіимъ духовнымъ человѣкомъ. И кто сказалъ бы, что буква Писанія есть плоть, а смыслъ его—духъ или душа, тотъ не погрѣшилъ бы противъ истины. Ясно же, что тотъ премудръ, кто, оставя плоть, какъ нѣчто тлѣнное, весь прилѣпляется къ духу, какъ нетлѣнному“ (Ум. и дѣят. 28). Руководясь такимъ взглядомъ на букву Писанія, священные авторы греческихъ богословскихъ системъ не ограничивались символомъ, а истолковывали Божественную истину въ такой формѣ, какая наиболѣе подходила къ духовнымъ нуждамъ эпохи. Придавая значеніе внѣшнимъ символамъ благочестія постольку, поскольку они являются выразителями вселенской правды, свв. отцы не различали формулъ важныхъ и второстепенныхъ, и разсуждали о тѣхъ изъ нихъ, которыя въ данную эпоху подвергались большимъ искаженіямъ поборниковъ лжи и слѣдовательно были тѣмъ дороже служителямъ вѣчной правды. Такъ пр. Іоаннъ Дамаскинъ, излагая ученіе о Божествѣ, не становится на почву толкованія первыхъ членовъ символа вѣры, а излагаетъ ученіе вполнѣ самостоятельно, но тѣмъ не менѣе тотъ же великій отецъ считаетъ нужнымъ внести въ свою систему подробное истолкованіе трисвятой пѣсни, измѣненной монофизитами въ духѣ ихъ заблужденій и съ особенною ревностію охраняемой православными, какъ божественное пониманіе таинства Живоначальной Тройцы. Приведенный примѣръ ясно показываетъ, какъ относились свв. отцы въ своихъ догматическихъ твореніяхъ къ исповѣднымъ формуламъ. И св. Григорій Нисскій и бл. Θеодоритъ знали, конечно, Никео-Константинопольскій символъ; св. Григорій Нисскій, какъ членъ Второго Вселенскаго Собора, даже принималъ участіе въ его дополненіи, но тѣмъ не менѣе эти отцы строятъ свои догматическія системы независимо отъ послѣдовательности выраженій символа. Такая свобода придаетъ ихъ твореніямъ характеръ творчества живого, тогда какъ Большой Катихизисъ и особенно Православное Исповѣданіе, благодаря приверженности къ опредѣленнымъ и точнымъ формуламъ, носятъ неизгладимый отпечатокъ сухости и дѣланности.

Какія же именно формулы выражаютъ въ схоластическихъ твореніяхъ содержаніе вѣры, и надежды и любви? Содержаніе вѣры излагается какъ изъясненіе Никео-Константинопольскаго символа, ученіе о надеждѣ—излагается истолкованіемъ молитвы Господней (а въ Пр. Исповѣданіи, помимо этого, и заповѣдей блаженства), а ученіе о любви замѣнено изъясненіемъ синайскаго десятословія. До какой степени эти формулы подходятъ къ дѣйствительному содержа-

нію разсматриваемыхъ сторонъ духовной жизни —рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того или другого пониманія вѣры, и надежды, и любви. Выше мы видѣли, что всѣ три основныя добродѣтели въ дѣйствительности представляютъ изъ себя развитіе одного и того же начала. Такимъ образомъ, если даже излагать отдѣльное содержаніе каждой изъ нихъ, то во всякомъ случаѣ необходимо установить ихъ внутреннюю связь и расположить отдѣльныя части системы, такъ чтобы первоначальное и болѣе простое предшествовало болѣе сложному и послѣдующему, съ точки зрѣнія развитія духовной жизни. Пр. Максимъ Исповѣдникъ такимъ образомъ устанавливаетъ послѣдовательность отдѣльныхъ частей церковнаго ученія: „Христіанинъ умудряется сими тремя путями—заповѣдями, догматами и вѣрою. Заповѣди отрѣшаютъ умъ отъ страстей, догматы вводятъ въ познаніе Сущаго, а вѣра въ созерцаніе Св. Троицы“ (Добр. III, 237). Но имѣя въ виду только внѣшнее соотвѣтствіе и не заботясь о внутреннемъ тождествѣ, авторы схоластическихъ катихизисовъ помѣстили въ первомъ отдѣлѣ своей системы изложеніе и истолкованіе Никейскаго символа, т. е. какъ разъ начали съ догматовъ, явленія очень сложнаго и для своего уясненія требующаго очень многихъ условій. Вообще по поводу символа вѣры, какъ содержанія ученія о вѣрѣ (принимая это понятіе въ схоластическомъ смыслѣ) говорить не приходится, въ данномъ случаѣ формула подобрана очень удачно, хотя послѣднія члены („чаю воскресенія“ и т. д.) лучше отнести къ отдѣлу надежды, потому что самый глаголъ имѣетъ по своему значенію больше общаго съ глаголомъ ἐλπίζω, указывающимъ на будущее, чѣмъ съ πιστεύω, утверждающимъ дѣйствительность настоящаго, да и самое ученіе о буд. судѣ и воскресеніи, какъ предшествующее христіанской вѣрѣ, изложено въ VII членѣ символа, такъ что XI и XII являются его повтореніемъ, если не замѣчать здѣсь именно новой точки зрѣнія на эти истины, именно, какъ на предметъ радостной надежды подвизающихся христіанъ. Искусственная подтасовка формулъ начинается съ ученія о дадеждѣ, которое замѣнено истолкованіемъ молитвы Господней и заповѣдей блаженства. Натяжка и искусственность чувствуются сами собою: почему молитва отнесена исключительно къ „надеждѣ“? Развѣ она не есть молитва вѣры и въ то же время дѣло любви? Напрасно мы стали бы искать разрѣшенія этихъ вопросовъ въ схоластическихъ руководствахъ богословія: эти руководства разрѣшаютъ исключительно вопросы, ими самими выдвинутые или случайно выхваченные изъ древнихъ богословскихъ твореній. Однажды допущенная натяжка не исправлялась, потому что схоластикамъ нѣтъ дѣла до внутренняго духа, а переносилась въ послѣдующія произведенія. Еще страннѣе замѣнить ученіе о любви изложеніемъ синайскаго десятословія; правда, и свв. отцы истолковывали эти заповѣди, какъ и вообще истолковывали библію (святоотеческая письменность знаетъ даже спеціальный трактатъ о десятословіи) (См. V т. Добр. Св. Григ. Пал.), но тамъ ни однимъ словомъ не указывается на то, что это ученіе о христіанской любви. И неужели это, данное не христіанамъ, а подзаконнымъ рабамъ, запрещеніе грубаго идолопоклонства, убійства, разврата и воровства, принятое (и при томъ независимо отъ десятословія) многими древними религіями и всѣми (исключая запрещеніе разврата, въ чемъ законодательства нѣсколько расходятся) современными или вообще культурными законодательствами, свидѣтельствуетъ о христіанской любви? Намъ лично, по крайней мѣрѣ, это представляется столь несообразнымъ, что всѣ разсужденія на эту тему кажутся простымъ искусствомъ для искусства. Еще можно бы сослаться на двоякое пониманіе закона: „Иныя изъ заповѣдей закона должно соблюдать и тѣлесно и духовно, а иныя только духовно, напримѣръ: не прелюбодѣйствуй, не убій, не укради и подобныя симъ нужно соблюдать и тѣлесно и духовно, и духовно троякимъ образомъ. Напротивъ того, обрѣзываться, хранить субботу, закалать агнца, снѣдать опрѣсноки съ горькимъ зеліемъ и подобное—только духовно“(IV, 209, Мал. Исп.). Въ случаѣ такого истолкованія за духовнымъ пониманіемъ десятословія можно признать сходство съ христіанскимъ пониманіемъ любви, но схоластики не сдѣлали даже этого: отеческій аллегоризмъ имъ вообще не по силамъ: нужно только сохранить формальную правду. Спаситель сказалъ, что соблюденіе Его заповѣдей есть любовь къ Нему и этого вполнѣ достаточно. А какія заповѣди имѣлъ въ виду Христосъ, какое до этого дѣло схоластикамъ?

Написанные въ формѣ діалогической Кіевскіе катихизисы производятъ тяжелое впечатлѣніе придирчивымъ тономъ своихъ разсужденій и стремленіемъ къ точности и опредѣленности въ области чистаго духа и свободы. Искусственность чувствуется вездѣ и въ расположеніи частей и въ послѣдовательности вопросовъ. Впрочемъ, Большой Катихизисъ, выдержавшій Московскую редакцію и переполненный святоотеческими извлеченіями, грѣшитъ больше безсодержательной риторикой, чѣмъ намѣреннымъ схоластицизмомъ, но вѣдь не онъ, а чисто схоластическое Исповѣданіе легло въ основу русской богословской науки.—Въ слѣдующихъ главахъ мы сравнимъ святоотеческое и древне московское богословіе съ латинскимъ и южно-русскимъ по тѣмъ существеннѣйшимъ предметамъ, по коимъ разность изложенія у тѣхъ и другихъ особенно рѣзко бросается въ глаза, именно въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, объ искупленіи и таинствахъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Хроника.

Пребываніе Его Блаженства въ Яблочинскомъ монастырѣ. 25 сего Іюня, въ день памяти пр. Онуфрія, Его Блаженство, Блаженнѣйшій Митрополитъ Діонисій изволилъ посѣтить Яблочинскій Св. Онуфріевскій монастырь, гдѣ участвовалъ въ торжественномъ богослуженіи по случаю храмового праздника. Въ Варшаву Его Блаженство вернулся 26 Іюня.

Окончаніе учебнаго года на Православномъ Богословскомъ Факультетѣ. 28 іюня закончились переходные экзамены на Православномъ Богословскомъ Факультетѣ. По случаю окончанія учебнаго года, Его Блаженствомъ, Блаженнѣйшимъ Митрополитомъ, Діонисіемъ, 29 Іюня, въ день Свв. Апостоловъ Петра и Павла, въ Митрополитальномъ Соборѣ св. Маріи Магдалины было совершено благодарственное молебствіе, на коемъ Блаженнѣйшій Владыка произнесъ слово, въ которомъ поздравилъ студентовъ съ благополучнымъ окончаніемъ года и призывалъ ихъ, а въ особенности священниковъ къ ревностному пастырскому и христіанскому дѣланію чуждому политики.

ПОСѢЩЕНІЕ ЕГО БЛАЖЕНСТВОМЪ, БЛАЖЕННѢЙШИМЪ ВЛАДЫКОЙ МИТРОПОЛИТОМЪ ДІОНИСІЕМЪ, ВОЛЫНИ.*)

РУДНЯ ПОЧАЕВСКАЯ.

Маленькая станція „Рудня Почаевская" оживляется только тогда, когда приходитъ поѣздъ. Сходятъ здѣсь пассажиры и ѣдутъ въ Почаевъ или Берестечко, ближайшіе къ станціи населенные пункты. Огойдетъ поѣздъ—и снова на станціи воцарится тишина.

9 Іюня сего года на станціи „Рудня Почаевская" царило сильное оживленіе. Кругомъ съ утра станція была запружена народомъ. Всюду виднѣлись черные монашескіе клобуки, священническія рясы. Прибылъ на автомобилѣ изъ города Кременца Преосвященный Епископъ Симонъ. Изъ Почаевской Лавры явились представители ея: убѣленный сѣдинами, маститый старецъ архимандритъ Паисій, блѣдный, съ изможденнымъ лицомъ отъ бдѣній и молитвъ Іеромонахъ Игнатій возглавляли делегацію Лавры. Крестьянскіе хоры отъ сосѣднихъ селъ чинно расположились на станціонной площадкѣ.

Въ этотъ день изъ Здолбунова съ поѣздомъ въ 1 часъ 20 минутъ дня долженъ былъ пріѣхать на станцію „Рудня Почаевская", для слѣдованія въ святыню всей Православной Церкви въ Польшѣ — Почаевскую Лавру, Глава Православной Церкви Блаженнѣйшій Владыка Митрополитъ Діонисій.

Наконецъ, настало время желанное; быстро подкатилъ поѣздъ; остановился.

Изъ вагона перваго класса вышелъ въ бѣломъ клобукѣ, съ посохомъ въ рукахъ, Владыка Митрополитъ. Хоръ дружно запѣлъ: „Исъ полла эти, деспота". Весь народъ снялъ головные уборы. Преосвященнѣйшій Владыка Симонъ, делегація отъ Почаевской Лавры и духовенство приблизились къ Владыкѣ Митрополиту. Привѣтствовали его, поздравляя съ благополучнымъ прибытіемъ, причемъ Владыки троекратно облобызались, а черное и бѣлое духовенство подошли подъ благословеніе. Его Блаженство осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ народъ, сѣлъ въ автомобиль съ Преосвященнѣйшимъ Симономъ и, въ сопровожденіи свиты, отправился въ Почаевъ.

По пути слѣдованія въ Лавру Его Блаженство остановился въ селахъ Пляшевая и Комнатка.

Села Пляшевая и Комнатка достойно встрѣтили Главу Православной Церкви. Село Пляшевая все было убрано зеленью. Крестный ходъ во главѣ съ настоятелемъ на околицѣ села съ пѣніемъ встрѣтилъ Владыку. Его Блаженство сошелъ съ автомобиля, приложился къ древу Св. Креста и пошелъ къ селу по направленію св. храма. Украшенный зеленью храмъ привѣтливо встрѣтилъ Архипастыря. Въ переполненномъ народомъ храмѣ Владыка Митрополитъ сказалъ чудное слово, вызвавшее слезы на глазахъ слушателей. Въ немъ Блаженнѣйшій отмѣтилъ, что жители Пляшевой счастливы тѣмъ, что живутъ невдалекѣ отъ Почаева и имѣютъ возможность посѣщать Святую Гору, слышать слова назиданія въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Послѣ рѣчи Владыка Митрополитъ, преподавъ всѣмъ прихожанамъ архипастырское благословеніе, въ сопровожденіи свиты отбылъ изъ Пляшевой.

Какъ только Его Блаженство выѣхалъ изъ села, пришлось встрѣтить вереницу богомольцевъ, идущихъ обратно изъ Почаева къ себѣ домой. Одна, довольно значительная группа ихъ, съ крестнымъ ходомъ, неся икону, копію съ чудотворнаго образа Почаевской Божіей Матери, остановилась и привѣтствовала Владыку. Его Блаженство вышелъ изъ авто, снялъ клобукъ, поцѣловалъ св. Икону Почаевской Божіей Матери. Всѣ богомольцы подошли подъ благословеніе цѣлуя его десницу, и, напутствуемые добрымъ пожеланіемъ, пошли дальше. Блаженнѣйшій же Владыка Митрополитъ послѣдовалъ на автомобилѣ въ Почаевъ.

Подъѣзжая къ селу Комнатка, Владыка былъ встрѣченъ крестнымъ ходомъ. Здѣсь Его Блаженство, какъ и въ Пляшевой, пѣшкомъ послѣдовалъ до храма. Все село—и старъ и младъ—тѣснымъ кольцомъ окружило своего Архипастыря.

Весь путь отъ околицы до храма былъ устланъ полотномъ, платками, полотенцами. Каждый селянинъ былъ неизмѣримо счастливъ, когда видѣлъ, что Владычняя стопа прикоснулась къ его „хусткѣ". Въ сплошь завитомъ зеленью храмѣ прекрасный хоръ мощно пропѣлъ задостойникъ.

Владыка Митрополитъ взошелъ на амвонъ и сталъ благословлять народъ. Дѣти дружной гурьбой подходили подъ Архипастырское благословеніе. Нужно было видѣть ихъ миловидныя личики, на которыхъ сіялъ религіозный восторгъ, когда они цѣловали десницу.

По преподаніи архипастырскаго благословенія, Владыка Митрополитъ произнесъ слово.

Въ немъ убѣдительно доказывалъ правоту православнаго ученія и призывалъ народъ быть стойкимъ хранителемъ завѣтовъ своихъ предковъ и не нарушать чистоты своихъ религіозныхъ убѣжденій. По окончаніи проповѣди было возглашено многолѣтіе Главѣ Православной Автокефальной Церкви въ Польшѣ, Польской Республикѣ, Правительству и Воинству, причту и прихожанамъ.

Послѣ многолѣтія Владыка Митрополитъ выразилъ благодарность псаломщику за отлично организованный хоръ.

Осчастливленный псаломщикъ подошелъ подъ благословеніе, преподавая которое, Владыка Митрополитъ замѣтилъ ему, что желательно чтобы таковые хоры были организованы и въ каждомъ селѣ.

При выходѣ изъ храма, Владыка Митрополитъ удостоилъ благодарности мѣстнаго школьнаго учителя за достодолжное воспитаніе дѣтей въ церковномъ религіозномъ духѣ.

Хоръ въ это время пѣлъ: „Предъ святою Твоею иконою".

Пѣніе продолжалось, пока Владыка сѣлъ въ автомобиль и, благословляя народъ, отбылъ въ Святую Почаевскую Лавру.

ПОЧАЕВСКАЯ СВЯТО-УСПЕНСКАЯ ЛАВРА.

Наступалъ лѣтній вечеръ 9-го Іюня. Солнце ласково посылало свои вечерніе лучи грѣшной землѣ, купаясь въ синевѣ густыхъ облаковъ; лѣтній вѣтерокъ нѣжно дулъ: онъ то набѣжитъ, то замретъ, а синее небо улыбалось и веселилось. Было какъ то радостно на душѣ и пріятно на сердцѣ въ этотъ памятный вечеръ.

Почаевъ былъ неузнаваемъ: всюду гирлянды зелени, масса цвѣтовъ, все блещетъ чистотой; святыя ворота, ведущія въ Лавру, утопали въ зелени.

Отъ Святыхъ воротъ до величественнаго Успенскаго собора шпалерами стоятъ смиренно, тихо, съ цвѣтами въ рукахъ, ученицы и ученики мѣстныхъ школъ.

При входѣ въ архіерейскій домъ стоялъ знаме-

*) См. „Воскресное Чтеніе" № 26.

нитый лаврскiй хоръ въ бѣлыхъ одѣянiяхъ временъ XVII вѣка.

Огромныя толпы народа наполняли, какъ лаврскiй дворъ, такъ стояли и внѣ его, жаждая узрѣть Владыку.

Вотъ раздался мощный ударъ большого лаврскаго колокола, возвѣстившаго о скоромъ прибытiи Главы Православной Церкви въ Польшѣ, Блаженнѣйшаго Митрополита Дiонисiя.

Все затихло. Взоры устремились въ направленiи, откуда долженъ прибыть Блаженнѣйшiй Владыка.

Возлѣ архiерейскаго дома, приготовшись къ встрѣчѣ, ожидали благочинный Лавры съ двумя iеродiаконами и двумя иподiаконами. Хоръ, подъ регентствомъ о. дiакона Ипполита Шеметило, приготовился къ пѣнiю.

Раздается звонъ всѣхъ колоколовъ и, черезъ 2—3 минуты, къ подъѣзду архiерейскаго дома безшумно подкатилъ автомобиль. Хоръ мощно запѣлъ тропарь „Вознесенiю“.

При выходѣ Его Блаженства изъ автомобиля, ученица, дочь о. протоiерея Житинскаго, со словами привѣтствiя поднесла Владыкѣ Митрополиту букетъ цвѣтовъ. Его Блаженство милостиво принялъ цвѣты, преподавъ ей благословенiе.

По облаченiи въ мантiю, сопровождаемый Преосвященнѣйшимъ Симономъ, Епископомъ Кременецкимъ, Его Блаженство направился къ Успенскому собору; во все время шествiя хоръ пѣлъ тропарь „Вознесенiю“.

Ученики и ученицы школъ, стоявшiе шпалерами по пути, подъ наблюденiемъ своего законоучителя о. iеромонаха Бориса, по мѣрѣ приближенiя Владыки Митрополита, бросали подъ ноги его живые цвѣты.

На серединѣ пути къ Его Блаженству подошла депутацiя отъ прiюта имени Его Блаженства при св. Георгiевскомъ скитѣ (на Козацкихъ Могилахъ), въ составѣ двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ, причемъ одна изъ дѣвочекъ звонкимъ, твердымъ голосомъ произнесла слѣдующее: „Отъ имени дѣтей прiюта Вашего Блаженства привѣтствую Васъ, нашъ дорогой архипастырь и отецъ, съ благополучнымъ прибытiемъ“. Дѣти удостоились архипастырскаго благословенiя.

На верхней площадкѣ лѣстницы, ведущей къ Успенскому собору, Его Блаженство былъ встрѣченъ Намѣстникомъ Лавры, Архимандритомъ Дамаскинымъ, окруженнымъ архимандритами, iеромонахами и всей лаврской братiей, причемъ Архимандритъ Дамаскинъ привѣтствовалъ Блаженнѣйшаго Владыку слѣдующими словами:

„Блаженнѣйшiй Владыко! Послѣднiе годы бѣдственныхъ искушенiй въ огнѣ и крови войны животворящая сила Церкви какъ бы заслонилась въ сознанiи вѣрующихъ. Былъ животный страхъ, владѣвшiй душами. Рука Божiя, благодѣющая даже въ искушенiяхъ, окуталась сомнѣнiями, но не умерла вѣра въ народныхъ душахъ, какъ не угасли лампады здѣсь у святынь, какъ не умолкалъ благовѣстъ звона колоколовъ, возвѣщавшiй о силѣ Божiей, о неусыпной молитвѣ Матери Божiей — за ны Христу молящейся, покрывавшей люди и мѣсто явленiя Своего—сiю обитель. Ибо „по маломъ времени, говоря словами Ездры, даровавшей намъ помилованiе отъ Господа Бога нашего, и Онъ... далъ намъ утвердиться Святынѣмъ Его“ (Ездра 1, 8—9). Нужно было возстановлять разрушенiя, сооружать опрокинутые алтари и освящать оскверненные храмы. Было трудно отъ оскудѣнiя, но трудность еще отягчалась тѣмъ, что „сталъ народъ земли той ослаблять руки наши и препятствовать въ строенiи“ (1 Ездр. 4, 4). Мы были подобными тѣмъ, о которыхъ говоритъ Неемiя: „Строившiе стѣны и носившiе тяжести, которые налагали на нихъ, одною рукою производили работу, а другою держали копье. Каждый изъ строившихъ препоясанъ былъ мечемъ по пресламъ своимъ, — и такъ они строили“ (Неем. 4, 17). Но не мечи стальные, не копья острыя изъ желѣза были въ рукахъ нашихъ, „не оружiе плотскаго воинствованiя“,—но духовная сила молитвъ и слово, звавшее къ разуму, слово убѣжденiя, обличенiя, истолкованiя—бывшихъ и грядущихъ событiй.

Но вотъ, возсоздались стѣны этого Сiона Православной Церкви, освящены оскверненные храмы, возстановлены жертвенники, и хвалится имя Господа, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его.

Войди-же въ Святилище, простри руки, Первосвященникъ нашъ, и на Сiонѣ Православiя принеси жертву благодаренiя объ избавленiи, умилостивленiя о грѣхахъ нашихъ и народа паствы твоей; умоли ниспослать Духа Святаго въ грядущiй день Пятидесятницы на насъ, „Имже пророцы вси и божественнiи Апостоли съ мученицы вѣнчашася“ (Стих. на веч. Св. Троицы). — Блаженнѣйшiй Первосвященниче. „Странное видѣнiе“—были разрушены ютившiеся въ укромныхъ мѣстахъ и долинахъ хаты и домы, но уцѣлѣли самыя стекла храмовъ, въ высоту зрящихъ куполовъ. Провидѣнiе сохранило Сiонъ, эту гору святыни своея, ибо „отъ Сiона изыдетъ законъ“, законъ православнаго благочестiя, законъ священнаго благоговенiя къ правиламъ Православныя вѣры, священства и Церкви нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Не буду высокопаренъ, если скажу словами божественной пѣсни недѣли Ваiй: „Радуйся и веселися Сiоне, красуйся и радуйся, Церкве Божiя“,—и Первосвященникъ твой грядетъ „со областiю“, въ ореолѣ кротости и мудраго терпѣнiя, равный и единопрестольный Патрiархамъ: Цареградскому, Александрiйскому, Антiохiйскому и Iерусалимскому.

Въ бурныя лихолѣтья въ этой странѣ —
„ея бурями обвѣянъ“,
„ея пигмеями осмѣянъ“,
но пребывшiй вѣрнымъ Православiю, и исполнилось слово Тайновидца: „Буди вѣренъ до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота (Апокалипс.). Смерть, не разъ заглядывавшая въ жилище Святителя, была прогоняема за вѣрность и терпѣнiе.

Идемъ-же всѣ во Святилище предъ ликъ Богоматери и тамъ: „Воспоемъ людiе боголѣпно въ Сiонѣ и молитву воздадимъ Христу“, ибо давно жданный Первосвященникъ нашъ и архипастырь съ нами“.

Послѣ привѣтственныхъ словъ Намѣстника Лавры, Блаженнѣйшiй Владыка Митрополитъ прослѣдовалъ въ храмъ, гдѣ съ рѣдкой задушевностью разсказалъ народу о своемъ посѣщенiи Востока, града Iерусалима, о томъ, какъ Господь сподобилъ видѣться съ Святѣйшимъ Антiохiйскимъ Патрiархомъ Григорiемъ, который 14 лѣтъ тому назадъ, здѣсь ва Святой Горѣ Почаевской, рукополагалъ его въ санъ епископскiй, и что Богъ далъ ему возможность благополучно вернуться и снова быть среди братiи Почаевской.

По окончанiи рѣчи, народъ сталъ подходить, чтобы приложиться ко кресту, которымъ осѣнялъ людей самъ Владыка Митрополитъ.

По благословенiи народа Святымъ Животворящимъ Крестомъ Господнимъ, Его Блаженство, при пѣнiи хоромъ тропаря „Вознесенiю“, сопровождаемый духовенствомъ и многотысячной толпой народа,—вернулся въ архiерейскiе покои.

Во дни Св. Троицы Владыка Митрополитъ совершалъ торжественное богослуженiе, въ которомъ принималъ участiе и Преосвященнѣйшiй Владыка Симонъ.

(*Окончанiе будетъ*).

Странникъ.

Церковная жизнь.

Въ жизни **Русской Заграничной Церкви** произошло новое событіе ея: **Синодъ запретилъ въ священно-служеніи проживающего въ Сѣверной Америкѣ Митрополита Платона** и назначилъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Аполлинарія управляющимъ русскими церквами въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ. Митрополитъ Платонъ отказался признать это постановленіе Синода и занялъ по отношенію къ нему ту же позицію, которую нѣсколько ранѣе занялъ Митрополитъ Евлогій.

Изъ Россіи поступаютъ свѣдѣнія о серьезномъ развалѣ обновленческой (синодальной) Церкви и **объ усиленіи Церкви Патріаршей**. Этотъ процессъ объясняется, конечно, естественнымъ тяготѣніемъ населенія къ Патріаршей Церкви и освобожденіемъ Высокопреосвященнаго Митрополита Сергія изъ совѣтскаго заключенія. Издающійся въ Москвѣ „Вѣстникъ" обновленческаго синода сообщаетъ, между прочимъ, что въ теченіе 1926 года число обновленческихъ приходовъ на территоріи Россіи сократилось на 2794 и на ихъ мѣстѣ возстановились приходы Патріаршей Церкви. Наибольшія потери обновленцы понесли въ епархіяхъ: воронежской (потеряно 259 приходовъ), красноярской (219), казанской (203), иваново-вознесенской (189) и т. д.

Ни въ одной изъ епархій число обновленческихъ приходовъ **не возросло**. Интересно, что наиболѣе благопріятными по количеству обновленческихъ приходовъ являются окраинныя епархіи—Джетусыйская (86 проц.)., Ташкентская (83 проц), Акмолинская (72 проц.), и т. д.; центральныя же епархіи даютъ совсѣмъ другой процентъ.—Нижегородская, Тверская, Рязанская, —1 проц., Ярославская—2 проц., Костромская—3 проц. и т. д.

Обновленческій „Вѣстникъ", между прочимъ, объясняетъ эти успѣхи „тихоновцевъ тѣмъ, что „большія потрясенія по нѣкоторымъ епархіямъ вызвало возвращеніе изъ ссылки прежнихъ епархіальныхъ епископовъ. Окруженные ореоломъ мученичества, они въ самое короткое время успѣвали отнимать десятки приходовъ (Воронежъ, Владиміръ, Саратовъ, Иваново-Вознесенскъ)".

Изъ Кіева сообщаютъ, что тамъ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ, передъ главнымъ соборомъ, произошелъ провалъ земли. Провалъ этотъ обнаружилъ склепъ древней эпохи, о существованіи котораго до сихъ поръ совершенно не было извѣстно. Изъ Москвы сообщаютъ о томъ, что на тамошнихъ монастырскихъ кладбищахъ началось уничтоженіе могилъ и памятниковъ, конечно, по постановленію совѣтской власти. Нѣкоторые памятники, имѣющіе, по мнѣнію большевиковъ, художественное или историческое значеніе, вывозятся съ кладбищъ въ музеи.

Изъ Риги сообщаютъ, что оттуда выѣхалъ въ Москву для разрѣшенія вопроса о возвращеніи эвакуированнаго въ Россію изъ Латвіи во время войны церковнаго имущества членъ Св. Синода латвійской Православной Церкви Протоіерей Н. Шалфеевъ. По соглашенію, заключенному между латвійскимъ и совѣтскимъ правительствами, возвращенію изъ Россіи подлежитъ: церковная утварь, облаченія и крайне цѣнные архивы консисторіи и духовной семинаріи.

Что касается архива и библіотеки духовнаго училища, то часть ихъ погибла. По крайней мѣрѣ, года три тому назадъ въ рижскихъ макулатурныхъ лавочкахъ продавались пудами книги духовнаго содержанія со штемпелемъ „рижское духовное училище".

Кромѣ остальныхъ церковныхъ цѣнностей, сов. правительство согласилось также на выдачу колоколовъ. Общій вѣсъ вывезенныхъ во время эвакуаціи колоколовъ—8.000 пудовъ, изъ нихъ возвращены до сихъ поръ всего нѣсколько сотъ пудовъ, самые малоцѣнные.

Также изъ Риги сообщаютъ о томъ, что мѣстнымъ Православнымъ населеніемъ возбуждено ходатайство о возвращеніи ему прекраснаго Преображенскаго собора, расположеннаго въ Усть-Двинской крѣпости.

Въ настоящее время соборъ, какъ находящійся въ крѣпостномъ районѣ, для богослуженій закрытъ и православному приходу, довольно многочисленному, пришлось пріютиться въ неудобномъ помѣщеніи — на фабрикѣ Гартвига. Богослуженія совершаются тамъ не каждое воскресенье, а только въ большіе праздники. Въ случаѣ отклоненія этого ходатайства, Православнымъ населеніемъ Усть-Двинска возбуждено будетъ ходатайство о передачѣ мѣстному приходу какого-либо подходящаго для устройства въ немъ храма зданія.

Въ Варшавѣ получены свѣдѣнія о трагической судьбѣ католическаго епископа Антонія Малецкаго, бывшаго директора петроградскаго католическаго института. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ маститый прелатъ, получившій епископскій санъ уже въ заключеніи, арестованъ былъ большевиками въ Петроградѣ и заключенъ въ московскую тюрьму вмѣстѣ съ уголовными преступниками и бандитами. Пребываніе въ тюрьмѣ осложнилось для епископа Малецкаго тяжкой болѣзнью, въ результатѣ которой всѣ полагали, что онъ скончался и постепенно о немъ забыли. Только сейчасъ случайно вырвавшіеся изъ совѣтской Россіи поляки привезли въ Варшаву свѣдѣнія о томъ, что епископъ Малецкій продолжаетъ находиться въ московской тюрьмѣ и что въ ближайшемъ будущемъ ему угрожаетъ высылка въ Нарымскій край. Лица, сообщившія объ этомъ редакціи газеты „Варшавянка", сопроводили свое сообщеніе письмомъ, въ которомъ между прочимъ, сказано:

Наконецъ мы всѣ должны понять, что преслѣдованіе духовенства, распространяющееся въ Россіи со страшной быстротой, касается не только самого духовенства, но остріемъ своимъ направлено противъ христіанской вѣры. Поляки-католики! На вашъ крикъ возмущенія и ужаса отвѣтить долженъ весь католическій міръ, который разъ навсегда долженъ прекратить гоненія на свою вѣру и духовенство со стороны озвѣрѣвшихъ большевицкихъ ордъ. Обязанностью каждаго христіанина является защита своей вѣры. Если мы будемъ равнодушно смотрѣть на это насиліе надъ нашей вѣрой, то на насъ падетъ тяжкая отвѣтственность передъ Богомъ и будущимъ поколѣніемъ".

Нельзя не признать правильность этихъ словъ, какъ нельзя не констатировать одновременно, что католическій міръ до сихъ поръ не только съ удивительнымъ равнодушіемъ смотритъ на гоненія на Православную Церковь въ Россіи, но и пытался даже использовать тяжелое положеніе православія въ Россіи для распространенія католическаго ученія среди Православныхъ русскихъ. Гоненія на христіанство въ Россіи обрушиваются въ одинаковой степени на Православіе и на католичество и оба они должны быть заинтересованы въ скорѣйшемъ уничтоженіи той безбожной коммунистической власти, которая этими гоненіями руководитъ.

Нѣкоторое оживленіе наблюдается въ жизни т. н. польской національной Церкви епископа Ходура. Представители существующаго въ Америкѣ синода этой церкви объявили на дняхъ, что число сторонниковъ ихъ вѣрованій достигло въ Америкѣ 150.000 человѣкъ, а въ Польшѣ—50 000 человѣкъ. Въ связи съ этимъ предположено созданіе въ Варшавѣ епископской каѳедры ходуровцевъ.

Въ Прагѣ въ возрастѣ 47 лѣтъ скончался докторъ Карлъ Тарскій, основатель и глава т. н. чешской національной церкви, отдѣлившейся отъ католичества, проявлявшей нѣкоторое стремленіе къ сближенію съ Православіемъ, но не пошедшей все же на полное съ нимъ соединеніе.

Изъ жизни польскаго католичества слѣдуетъ отмѣтить пожалованіе Ватиканомъ кардинальскаго званія примасу Польши, архіепископу гнѣзненскому и и познанскому Хлонду.

У насъ.

20 іюня с. г. состоялось первое засѣданіе чрезвычайной сессіи сейма, а 24 іюня приступила къ работѣ чрезвычайная сессія сената, созванная г. Президентомъ Республики на основаніи принадлежащаго ему права. На первомъ засѣданіи сейма большинствомъ голосовъ принято было рѣшеніе объ измѣненіи статьи 26-й государственной конституціи Польши. Произведенное измѣненіе предоставляетъ парламенту право роспуска себя по собственному постановленію.

Слѣдующее засѣданіе сейма назначено на 30 іюня с. г. въ связи съ торжествами, связанными съ перевезеніемъ въ Польшу праха національнаго польскаго поэта Юлія Словацкаго, о чемъ мы говоримъ ниже. До этого дня засѣдаютъ комиссіи сейма, подготавливающія работу къ слѣдующимъ засѣданіямъ пленума чрезвычайной сессіи законодательной палаты.

Какъ извѣстно, по окончаніи бюджетной сессіи палатъ представленныя въ нихъ политическія партіи ревностно добивались созыва чрезвычайной сессіи, указывая на необходимость разрѣшенія ряда важныхъ и очередныхъ политическихъ вопросовъ. Сомнѣваясь въ томъ, что г. Президентъ Республики пожелаетъ воспользоваться своимъ правомъ, дающимъ ему возможность созыва чрезвычайныхъ парламентскихъ сессій, политическіе круги поднимали даже вопросъ объ использованіи параграфа конституціи, дающаго членамъ парламента право проявлять иниціативу въ дѣлѣ созыва чрезвычайныхъ парламентскихъ сессій путемъ соотвѣтствующаго обращенія къ Главѣ Государства. На этотъ разъ, однако, парламентскимъ кругамъ не пришлось проявлять этой иниціативы, такъ какъ г. Президентъ Республики самъ пожелалъ созвать чрезвычайную сессію палатъ. Сессія эта собралась и такимъ образомъ стремленіе парламентскихъ круговъ оказалось осуществленнымъ. Сеймъ вновь засѣдаетъ и можетъ безъ помѣхъ принимать тѣ рѣшенія, которыя сочтетъ необходимыми и полезными. Можно, однако, сомнѣваться въ томъ, насколько разсчеты политическихъ партій, основанныя на текущей парламентской сессіи, оправдаются. Отсутствіе прочнаго и постояннаго большинства всегда сказывалось на соотношеніи силъ въ сеймѣ и всегда грозило превратить его работы въ безплодное словопреніе и отдать рѣшеніе насущныхъ вопросовъ государственной жизни въ руки тѣхъ, кто несетъ отвѣтственность за нормальный ходъ этой жизни, другими словами—въ руки правительства.

Полную оцѣнку работъ сессіи можно будетъ, конечно, дать только послѣ ея окончанія, а потому сейчасъ важнѣе остановиться на тѣхъ вопросахъ, которые будутъ подлежать обсужденію сената и сейма во время этой ихъ сессіи, которую польская печать уже называетъ послѣдней въ предвидѣніи предстоящаго роспуска законодательныхъ палатъ и назначенія новыхъ выборовъ. Полный порядокъ работъ сессіи выяснится, однако, только въ самомъ ея теченіи. Правительство, повидимому, представитъ на утвержденіе парламента декреты, изданные имъ въ перерывѣ между его сессіями, и, по всей вѣроятности, поставитъ на его обсужденіе вопросы, связанные съ заключеніемъ внѣшняго займа, и, въ частности, вопросъ о повышеніи заработной платы государственныхъ служащихъ и соотвѣтствующемъ измѣненіи расходныхъ статей бюджета. Со своей стороны входящія въ составъ парламента политическія фракціи несомнѣнно пожелаютъ воспользоваться созывомъ чрезвычайной сессіи сената и сейма для обсужденія вопроса объ измѣненіи избирательнаго закона, а также для разсмотрѣнія законопроектовъ объ органахъ мѣстнаго самоуправленія, которымъ большинство парламентскихъ партій придаетъ совершенно справедливо большое значеніе. Такимъ образомъ работы у парламента въ эту его текущую чрезвычайную сессію будетъ болѣе, чѣмъ достаточно. Можно даже опасаться, что это обиліе темъ отразится неблагопріятно на судьбѣ нѣкоторыхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію парламента вопросовъ. Изъ числа этихъ вопросовъ рѣшеніе правительства о заключеніи внѣшняго займа врядъ ли встрѣтитъ со стороны парламента противодѣйствіе. Условія договора о займѣ также будутъ, повидимому, одобрены. Рѣшеніе правительства о повышеніи заработной платы государственныхъ служащихъ могло бы въ другой обстановкѣ встрѣтиться съ оппозиціей со стороны нѣкоторыхъ партій, но въ настоящее время, въ предвидѣніи возможности парламентскихъ выборовъ въ недалекомъ будущемъ, врядъ ли найдется партія, которая рѣшится рискнуть своей популярностью ради незначительной экономіи въ бюджетѣ. Наконецъ тѣ декреты, которые правительство можетъ внести на разсмотрѣніе и утвержденіе парламента, также врядъ ли вызовутъ особые споры, хотя бы потому, что парламентъ будетъ торопиться къ разсмотрѣнію другихъ, болѣе животрепещущихъ вопросовъ. Исключеніе можетъ составить лишь одинъ декретъ г. Президента Республики о печати, встрѣченный частью общественнаго мнѣнія довольно недружелюбно. Интересъ сессіи, такимъ образомъ, сосредоточится вокругъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть включены въ ея программу, по иниціативѣ самого парламента. Изъ этихъ вопросовъ, конечно, самое большое значеніе для Польши имѣетъ вопросъ объ измѣненіи избирательнаго закона: по сравненію съ нимъ отходитъ на второй планъ принятый сеймомъ законопроектъ о предоставленіи парламенту права распускать себя по собственной иниціативѣ и имѣющій большое практическое значеніе для всего населенія вопросъ объ организаціи мѣстнаго самоуправленія. Исходной точкой для разсмотрѣнія проекта измѣненія избирательнаго закона будутъ по всей вѣроятности предложенія правыхъ польскихъ партій, внесенныя ими въ конституціонную комиссію сейма еще во время минувшей бюджетной сессіи парламента. Предположенія эти сводятся къ сокращенію числа сенаторовъ и депутатовъ, къ измѣненію границъ избирательныхъ округовъ и къ перераспредѣленію мандатовъ по этимъ округамъ. При этомъ иниціаторы этихъ перемѣнъ полагаютъ, что ихъ осуществленіе обезпечитъ польскимъ законодательнымъ палатамъ постоянное и прочное консервативное польское большинство, а противники перемѣнъ и представители національныхъ меньшинствъ въ парламентѣ считаютъ, что проекты правыхъ группъ сводятся къ умаленію правъ непольскаго населенія государства и къ ущемленію основъ демократическаго строя въ государствѣ. Несмотря на оппозицію центра, соціалистовъ и національныхъ меньшинствъ, иниціаторамъ измѣненія избирательнаго закона все же удастся, быть можетъ, собрать незначительное большинство голосовъ и обезпечить проведеніе своихъ предположеній въ жизнь, но намъ кажется сомнительнымъ, чтобы это могло быть осуществлено вопреки точки зрѣнія правительства. Эта точка

зрѣнія пока продолжаетъ быть неизвѣстной. Правительство маршала Пилсудскаго еще не опредѣлило оффиціально своего отношенія къ вопросу объ измѣненіи избирательнаго закона и въ его рукахъ находится въ значительной степени ключъ къ положенію даже въ томъ случаѣ, если сторонникамъ измѣненія избирательнаго закона удастся, вопреки взглядамъ власти, собрать вокругъ своего законопроекта достаточное большинство. Въ политической и государственной жизни Польши авторитетъ правительства и возглавляющихъ его лицъ имѣетъ такое большое значеніе и вѣсъ, что авторитетъ этотъ можетъ предрѣшить вопросъ о томъ, на какихъ основаніяхъ будетъ происходить неизбѣжная въ концѣ 1927 или началѣ 1928 года парламентская избирательная кампанія.

Въ Вильнѣ и Люблинѣ состоялись выборы въ городскія думы. Въ Вильнѣ первое мѣсто по числу полученныхъ голосовъ и мандатовъ занялъ центральный польскій избирательный комитетъ (національная демократія), получившій 11 мѣстъ. За нимъ слѣдуетъ польская соціалистическая партія—9 мѣстъ, еврейскій національный блокъ—9, демократическій польскій блокъ—5, независимая соціалистичнская партія—5, польскіе монархисты—4, „Бундъ" — 3, бѣлорусско-русскій блокъ—1 и литовцы—1. Въ Люблинѣ на первомъ мѣстѣ оказались польскіе соціалисты—17, на второмъ польскіе національные демократы—9, на третьемъ—„Бундъ"—7, затѣмъ польскій демократическій блокъ и еврейскій національный блокъ—по 5, еврейскій демократическій блокъ—2 и мелкіе еврейскіе списки — по 1. Общій результатъ этихъ выборовъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ полѣвѣніи политическихъ взглядовъ польскаго населенія страны и о дезорганизованности меньшинствъ, за исключеніемъ еврейскаго, не получившихъ того количества голосовъ и мандатовъ, на которое они могли разсчитывать.

Изъ культурной жизни государства необходимо отмѣтить **перевезеніе праха польскаго національнаго поэта Словацкаго изъ Парижа въ Краковъ.** Вмѣстѣ съ Мицкевичемъ и Красинскимъ, Словацкій является однимъ изъ трехъ членовъ классической плеяды польской поэзіи. Поэтъ жилъ въ самую тяжелую для польскаго народа историческую эпоху. Родившись въ 1809 году, Словацкій не зналъ независимой Польши. Жизнь его прошла частью въ Россіи, частью въ изгнаніи. Умеръ поэтъ въ 1849 году, не дождавшись освобожденія Польши. Большую часть своей жизни Словацкій провелъ въ изгнаніи, путешествуя по Востоку, Италіи, Швейцаріи и Франціи. Скончался онъ въ Парижѣ, и прахъ его пролежалъ на мѣстномъ кладбищѣ до іюня 1927 года, откуда нынѣ торжественно перевозится въ Польшу. Уроженецъ Волыни, Словацкій кровно связанъ съ восточными окраинами Польши, съ той Украиной, которая играетъ въ исторіи Польши такую значительную роль. Украинскія темы встрѣчаются и въ лирикѣ и въ драматическихъ произведеніяхъ Словацкаго, и его „Мазепа" занимаетъ среди этихъ произведеній почетное мѣсто. Мысль о перевезеніи праха Словацкаго въ Польшу возникла еще до войны, но тогдашняя политическая обстановка и разразившіяся затѣмъ событія помѣшали ея осуществленію. Только черезъ 9 лѣтъ послѣ возстановленія государственной независимости Польши польскій народъ рѣшилъ наконецъ вернуть на родную землю прахъ своего національнаго поэта. На пароходѣ „Вилія" извлеченный изъ парижской могилы прахъ Словацкаго перевезенъ былъ морскимъ путемъ въ Гдыню, а оттуда по Вислѣ въ Варшаву, откуда сейчасъ перевозится въ Краковъ. Въ Краковѣ прахъ Словацкаго будетъ погребенъ въ историческомъ Вавельскомъ замкѣ, полномъ для Польши историческихъ воспоминаній.

Заграницей.

Послѣ того, какъ польскій судъ сказалъ слово въ дѣлѣ Бориса Коверды, совѣтская печать разразилась по адресу Польши и этого суда неприличной и дерзкой бранью, выражая свое неудовольствіе по поводу того, что Польша не послѣдовала кровожаднымъ призывамъ Москвы и не приговорила Коверду къ смертной казни. Въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, намъ еще не извѣстно, во что выльется эта безсильная злоба большевиковъ, но можно сказать съ увѣренностью, что польское правительство, исполнивши въ моментъ смерти Войкова и послѣ этой смерти все то, что отъ него требовали международныя приличія и обязательства Польши въ качествѣ государства, состоящаго формально въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ СССР, не испугается угрозъ и коммунистической истерики и спокойно повторитъ слова, уже сказанныя польской печатью — ни шагу дальше!

Въ этомъ можно быть тѣмъ болѣе увѣреннымъ, что въ этомъ отношеніи польское правительство можетъ чувствовать за собой поддержку не только собственнаго, но и всего общественнаго мнѣнія Европы, относящагося съ рѣзкимъ осужденіемъ къ возобновленію террора въ совѣтской Россіи и къ тому шантажу, который большевики пытались примѣнить по отношенію къ Польшѣ.

Это единеніе общественнаго мнѣнія Европы тѣмъ болѣе знаменательно, что въ политическомъ отношеніи дѣлившія европейскія государства разногласія до сихъ поръ не устранены и въ отдѣльныхъ случаяхъ мы наблюдаемъ даже возникновеніе новыхъ конфликтовъ.

Въ Женевѣ закончилась очередная сессія совѣта Лиги Націй. Центръ тяжести этой сессіи лежалъ, однако, не въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ совѣта, а въ неоффиціальныхъ переговорахъ представителей шести великихъ державъ, происходившихъ въ глубокой тайнѣ. Никакихъ оффиціальныхъ рѣшеній не опубликовано, если не считать туманныхъ сообщеній, въ которыя каждый можетъ вложить любое содержаніе. Представители Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и т. п. совѣщались между собой, но простымъ смертнымъ остается только догадываться о томъ, что происходило за закрытыми дверьми кабинетовъ Чемберлена и Бріана.

Суммируя всѣ догадки и предположенія, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ. Англія завѣрила державы, что она не собирается ни воевать съ СССР —ни блокировать; смыслъ же германскихъ заявленій сводился къ утвержденію, что, раздѣляя общее возмущеніе послѣдними событіями въ Москвѣ и дѣятельностью коминтерна, Германія не отклонится отъ общей линіи своей политики. Всѣ присутствующіе поклялись въ вѣрности завѣтамъ Локарно и рѣшили никакого единаго фронта противъ СССР не создавать. Отсюда не слѣдуетъ, однако, заключать, что конференція не дала никакихъ результатовъ. На самомъ дѣлѣ конференція выявила и закрѣпила фактъ первостепеннаго значенія—противопоставленіе Европы (и не только Европы) и совѣтскаго режима и полную изоляцію совѣтскаго правительства. Фактически единый фронтъ уже существуетъ — онъ выражается въ томъ, что Европа внезапно, безъ особыхъ къ тому причинъ пришла къ сознанію невозможности даже терпѣть коминтернъ въ своихъ предѣлахъ. Изъ сознанія вытекаетъ рѣшеніе – предложить большевикамъ прекратить дѣятельность коминтерна заграницей или быть готовыми къ „послѣдствіямъ". Конечно, еще разъ усиленно подчеркиваютъ, что подъ „послѣдстві-

ями“ нельзя понимать войну или какого нибудь „крестоваго похода“.

Надо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что къ излишнему оптимизму результатъ женевскихъ совѣщанiй все же вести не можетъ. Во первыхъ, совѣтская власть врядъ ли добровольно откажется отъ своей связи съ коминтерномъ, а во вторыхъ, между Германiей и ея бывшими противниками, повидимому, все же еще не достигнуто никакого соглашенiя въ т. н. русскомъ вопросѣ и будущее соглашенiе едва еще только намѣчается.

Затяжной конфликтъ на Балканахъ, причиной котораго были плохо прикрытыя одновременныя притязанiя Югославiи и Италiи на Албанiю, неожиданно обострился конфликтомъ между правительствами Бѣлграда и Тираны, повлекшимъ за собой разрывъ дипломатическихъ сношенiй. Дѣло возникло изъ-за ареста драгомана югославскаго посольства въ Тиранѣ, котораго албанская полицiя обвинила въ очередномъ заговорѣ противъ правителя Албанiи Ахмеда-Зогу. Полицiя не только арестовала драгомана, но и сожгла его домъ. Естественно, что сербскiй повѣренный въ дѣлахъ возмутился и потребовалъ освобожденiя своего драгомана въ выраженiяхъ весьма рѣшительныхъ. Албанцы, однако, обидѣлись и заявили, что преступнаго драгомана отпустятъ, но требуютъ, чтобы сербскiй представитель взялъ назадъ свою ноту. На этомъ дипломатическiя сношенiя были прерваны.

И Албанiя и Югославiя сочли нужнымъ довести о своемъ конфликтѣ до свѣдѣнiя совѣта Лиги Нацiй. Послѣднiй, занятый своими непрiятностями, не обнаружилъ желанiя расхлебывать этотъ вопросъ и великiя державы рекомендовали бѣлградскому и тиранскому правительствамъ пойти на взаимныя уступки. Надо думать, что инцидентъ будетъ въ ближайшее время улаженъ, что, впрочемъ, нисколько не разрѣшаетъ всей адрiатической проблемы продолжающей угрожать европейскому миру.

Такъ же ликвидированнымъ можно считать другой **конфликтъ — попытку египетскихъ нацiоналистовъ освободить Египетъ отъ опеки англiйскаго главнокомандующаго египетской армiей.** Одно время могло казаться, что Египту удастся осуществить свое желанiе, но Англiя послала въ египетскiя воды нѣсколько сверхъ-дредноутовъ, и Каиръ уступилъ. Въ общемъ неопредѣленное положенiе Египта осталось неизмѣннымъ. Несмотря на торжественно-провозглашенную въ 1923 году независимость этой страны и избранiе перваго короля Египта, англiйскiй верховный комиссаръ, а съ нимъ и британскiя войска продолжаютъ оставаться въ странѣ. Египетскiе нацiоналисты ведутъ борьбу за отозванiе этихъ войскъ, но Англiя въ этомъ вопросѣ не склонна итти на уступки.

Дополнительные выборы въ парламентъ въ самой Англiи дали побѣду консерваторамъ. Консервативный депутатъ Лонгъ собралъ большинство голосовъ и побѣдилъ либеральнаго и рабочаго противника.

Въ связи съ ужаснымъ разстрѣломъ 20-ти жертвъ Г. П. У. въ Москвѣ серьезный конфликтъ возникъ между СССР и Финляндiей. Въ числѣ разстрѣлянныхъ въ Москвѣ лицъ оказался финляндскiй гражданинъ полковникъ Эльвенгренъ, обвиненный большевиками въ шпiонажѣ.

Финскiй посолъ явился въ наркоминдѣлъ и затребовалъ объясненiй по поводу разстрѣла Эльвенгрена. Ему было указано, что Эльвенгренъ перешелъ границу съ фальшивымъ румынскимъ паспортомъ и никогда не заявлялъ, что онъ является финскимъ подданнымъ. Наоборотъ, Эльвенгренъ сказалъ на допросѣ, что онъ русскiй и монархистъ.

Финляндiя не удовлетворилась, однако, такимъ объясненiемъ, и вся финляндская печать въ рѣзкой формѣ и энергичныхъ выраженiяхъ осуждаетъ совѣтскую политику.

Попытки большевиковъ добиться послѣ разрыва дипломатическихъ сношенiй съ Англiей улучшенiя своихъ отношенiй съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки не привели къ желательнымъ для коммунистической Москвы результатамъ.

Корреспондентъ „Times“ сообщаетъ изъ Вашингтона, что американское правительство и теперь, какъ и раньше, держится убѣжденiя о томъ, что возможность нормальныхъ отношенiй съ совѣтской Россiей въ 1927 году нисколько не больше, чѣмъ въ 1918. Американцы полагаютъ, что Англiя и другiя государства Европы, а также Японiя придутъ въ концѣ концовъ къ такому же взгляду. Что касается Германiи, ея отношенiя къ Россiи, то, конечно, Германiя никогда не сдѣлаетъ чего либо, что могло бы повредить ея участiю въ общей жизни западныхъ нацiй. Американскiе правительственные круги выражаютъ надежду, что Германiя рано или поздно прерветъ сношенiя съ СССР. Американское правительство думаетъ, что самой правильной политикой по отношенiю къ СССР является открытое заявленiе русскому народу о томъ, что цѣли и методы его правителей дѣлаютъ невозможными нормальныя отношенiя Россiи и другихъ государствъ.

Сельское хозяйство.

Культура хлѣбныхъ растенiй.

Посѣвъ сѣмянъ обыкновенно производится безъ всякой предварительной *подготовки*, если не считать протравливанiя ихъ на случай появленiя болѣзни, называемой головнею, о чемъ ниже, и такъ назыв. „удобренiя сѣмянъ“, т. е. высѣва ихъ вмѣстѣ съ какимъ-нибудь удобрительнымъ тукомъ, — азотистымъ или фосфатомъ. Но, какъ показалъ опытъ, качество сѣмянъ влiяетъ сильнѣе на развитiе растенiй, чѣмъ удобренiе ихъ. Слѣдовательно, прежде всего нужно позаботиться о хорошемъ качествѣ сѣмянъ, а удобренiе ихъ стоитъ на второмъ планѣ.

Время посѣва озимыхъ различно въ зависимости отъ широты мѣстности. Изъ этихъ хлѣбовъ раньше всѣхъ сѣется ячмень, потомъ рожь и затѣмъ пшеница. Послѣдняя кустится только весною, такъ что нѣтъ необходимости спѣшить съ ея посѣвомъ, хотя нельзя отрицать, что болѣе раннiй посѣвъ ея даетъ лучшiе результаты. Рожь же и ячмень кустятся осенью, поэтому нужно спѣшить съ ихъ посѣвомъ. У насъ рожь сѣется съ середины августа, весь сентябрь и даже въ октябрѣ; тамъ, гдѣ сѣется озимый ячмень, посѣвъ его прiурочивается къ посѣву ржи.

Пшеница сѣется съ августа до октября. Очень раннiй посѣвъ ржи желателенъ ввиду двухъ обстоятельствъ: онъ даетъ возможность запасти всходамъ достаточное количество влаги, а затѣмъ растенiя имѣютъ время выкуститься, во время кущенiя болѣе продолжительное время пользуются освѣщенiемъ и идутъ подъ снѣгъ крѣпкими экземплярами, что можетъ не случиться въ случаѣ сравнительно поздняго посѣва. Иногда, при глубокой задѣлкѣ сѣмянъ, что, между прочимъ, очень вредно отзывается на ржи, при сухой погодѣ озими долго не даютъ всходовъ; потомъ наступаетъ пасмурная погода, растенiя не успѣваютъ выкуститься и тогда урожай не можетъ считаться обезпеченнымъ.

Время производства яровыхъ посѣвовъ тоже различно въ зависимости отъ широты мѣстности. Раньше всѣхъ сѣется овесъ, затѣмъ пшеница, рожь, ячмень, гречиха и просо. Отступленія отъ такого порядка бываютъ, но рѣдко. Овесъ, особенно одногривый, требуетъ ранняго посѣва, принято считать, что онъ предпочитаетъ посѣвъ во влажную почву и не боится холодовъ. Напротивъ, съ посѣвомъ ячменя не торопятся, а выжидаютъ конца утренниковъ. Въ общемъ, время посѣва какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ, зависит отъ температуры воздуха и почвы, а также и отъ влажности.

Изъ озимыхъ рожь предпочтительнѣе сѣять въ сухую почву, откуда и выработалась поговорка: „сѣй рожь хоть въ золу, да впору", но пшеница любитъ сыроватую землю. Изъ яровыхъ въ сухую почву высѣваются ячмень, просо и гречиха; овесъ, пшеница, рожь могутъ быть высѣваемы и въ сыроватую почву. Про посѣвъ овса сложилась даже поговорка: „сѣй овесъ хоть въ грязь, будешь князь". Но нужно всегда имѣть ввиду, что посѣвъ въ сырую почву, или подъ дождь можетъ обусловить образованіе коры, которой особенно боятся яровой ячмень, гречиха и просо. Поэтому ихъ предпочитаютъ сѣять послѣ небольшого дождя, такъ какъ, попавъ во влажную и рыхлую почву, сѣмена могутъ дать всходы до слѣдующаго дождя.

Трудно дать среднія цифры для опредѣленія *густоты* посѣвовъ хлѣбныхъ растеній, такъ какъ послѣдняя находится въ зависимости отъ широты мѣстности, погоды, времени посѣва; напр., въ общемъ говорятъ, что при машинномъ посѣвѣ разбросная сѣялка даетъ 10 % экономіи посѣвныхъ сѣмянъ, а рядовая—даже 20 %. Но цифры эти не могутъ имѣть универсальнаго значенія, такъ какъ извѣстно одно, твердо установленное, убѣжденіе, что на лучшихъ почвахъ слѣдуетъ сѣять порѣже, а на худшихъ погуще. Крестьяне, впрочемъ, убѣждены въ противномъ, говоря, что хорошая почва можетъ поднять больше; это можетъ быть и имѣетъ нѣкоторыя основанія; такъ какъ хорошее качество почвы зависитъ отъ удобренія; между тѣмъ въ черноземной полосѣ навозъ соломистъ, мало перепрѣвшій и засоряетъ почву; тогда, во избѣжаніе засоренія, дѣйствительно нужно сѣять погуще. Въ мѣстности же нечерноземной, притомъ съ сравнительно сухимъ климатомъ, растенія быстро созрѣваютъ, а потому необходимо достигнуть равномѣрнаго созрѣванія, иначе трудно выбрать время уборки. Въ мѣстностяхъ съ болѣе влажнымъ климатомъ, гдѣ созрѣваніе происходитъ не такъ быстро, можно дольше дожидаться дозрѣванія отдѣльныхъ растеній. При рѣдкомъ посѣвѣ растенія будутъ сильно куститься, образовывать побѣги второго и третьяго порядка, которые будутъ поспѣвать позже, что рѣзко отражается на равномѣрномъ и своевременномъ созрѣваніи всего поля; поэтому, на такихъ почвахъ крестьяне и предпочитаютъ густой посѣвъ. По свѣжему удобренію кущеніе еще сильнѣе и нужно поэтому его подавить густотою посѣва. Нужно добавить, что удобренная почва нѣсколько пышнѣе и потому въ сухомъ климатѣ растенія выносятъ густой посѣвъ. Этимъ и объясняется противорѣчіе взгляда крестьянъ съ научно обоснованнымъ мнѣніемъ установившимъ, что на тощихъ почвахъ слѣдуетъ сѣять гуще, чтобы лучше эксплоатировать почву.

Всѣ хлѣба высѣваются въ разбросъ, руками или машинами, а также и рядовымъ машиннымъ посѣвомъ.

Машинный разбросной посѣвъ предпочтительнѣе предъ ручнымъ, какъ обезпечивающій равномѣрность посѣва.

Но еще лучше рядовой посѣвъ, который получилъ вездѣ широкое распространеніе; при этомъ разстояніе между рядами устанавливается примѣрно 5—6 дюймовъ для яровыхъ, чтобы противодѣйствовать засоренію поля и 6—8 дюймовъ для озимыхъ, которые меньше боятся засоренія и притомъ сильнѣе кустятся. На богатыхъ почвахъ, съ влажнымъ климатомъ, да еще если примѣняется междурядная обработка, какъ напр. мотыженіе или опалываніе у проса, разстояніе между рядами посѣвовъ можно допустить и до 12 дюймовъ, т. е. до фута.

Глубина задѣлки посѣвовъ зависитъ отъ времени посѣва и величины сѣмянъ. Просо требуетъ самаго мелкаго прикрытія въ 1—1 ½ дюйма, задѣлывается при разбросномъ посѣвѣ бороной. Всѣ остальные хлѣба задѣлываются немного глубже, но во всякомъ случаѣ не глубже 1—½ вершковъ. Вообще, чѣмъ мельче задѣлка, тѣмъ лучше, но иногда, въ засушливые годы, необходима и болѣе глубокая задѣлка, чтобы помѣстить сѣмена въ болѣе сыромъ слоѣ почвы, особенно это касается яровыхъ, изъ которыхъ болѣе глубокая задѣлка нужна для гречихи и ячменя, менѣе для овса, пшеницы и ржи. Послѣдніе высѣваются ранѣе и попадаютъ въ болѣе сырую почву, потому и задѣлка можетъ быть мельче. Озими не слѣдуетъ прикрывать глубоко и чѣмъ суше почва, тѣмъ задѣлывать слѣдуетъ мельче, чтобы воспользоваться первыми дождями.

Рожь и пшеницу обыкновенно задѣлываютъ боронами, но при этомъ сѣмена распредѣляются по полю неравномѣрно и прикрываются тоже неравномѣрно, такъ какъ часть сѣмянъ бороной сволакивается въ борозду, а это обстоятельство способствуетъ засоренію поля. Лучше, если почва предварительно выравнена и прикрытіе производится лапчатыми боронами или мелко идущими запашниками. Конечно, еще лучше рядовой посѣвъ, но и тогда озими не слѣдуетъ задѣлывать глубоко. Глубокое ихъ прикрытіе имѣетъ еще и то дурное вліяніе, что рожь у выхода на поверхность земли образуетъ вершинные корни; понятно, что при глубокой задѣлкѣ она должна потратить много времени и энергіи прежде чѣмъ образуетъ побѣгъ такой длины, чтобы онъ могъ выйти на поверхность и поэтому растенія сразу выходятъ слабыми.

При обыкновенныхъ условіяхъ, принимая во вниманіе вышесказанное, хороша задѣлка озимей лапчатой бороной съ другой деревянной. Яровые прикрываются различно, смотря по времени посѣва.

Раньше всѣхъ сѣется овесъ—въ грязь и нѣтъ основанія осуждать такой выборъ времени посѣва, хотя, правда, часто образуется кора, но ее можно уничтожить. На развитіе овса благопріятно дѣйствуетъ низкая температура нижележащаго слоя почвы; по крайней мѣрѣ наблюденія показываютъ, что овесъ хорошо развивается, если на глубинѣ почва не совсѣмъ оттаяла. Затѣмъ, ранніе посѣвы овса и яровыхъ пшеницы и ржи могутъ быть произведены на осеннюю борозду и заволакиваемы бороной. Правда, что иногда можетъ не хватить земли для прикрытія посѣва, такъ какъ набороненныя съ осени борозды расплываются, но все таки такое прикрытіе возможно, особенно у овса. Послѣдній тоже хорошо задѣлывается, если борозды пробороновать поперекъ, а потомъ вдоль. Если посѣвъ нѣсколько запоздалъ, а земля крошится, то нужно употребить болѣе глубоко идущія лапчатыя бороны съ деревянной бороной вслѣдъ, какъ и для прикрытія озимей. Если же посѣвъ производится еще позже, то нужно прикрыть еще глубже запашникомъ съ узко разставленными корпусами, оборачивающими пластъ. Если производится рядовой посѣвъ, то задѣлка яра производится нѣсколько глубже, такъ какъ машинный посѣвъ требуетъ земли уже нѣсколько просохшей и разсыпающейся; а въ этомъ случаѣ и требуется болѣе глубокая задѣлка поближе къ влажному слою почвы.

Не безполезно и прикатываніе задѣланныхъ посѣвовъ, чтобы вызвать поскорѣе всходы и уравнять